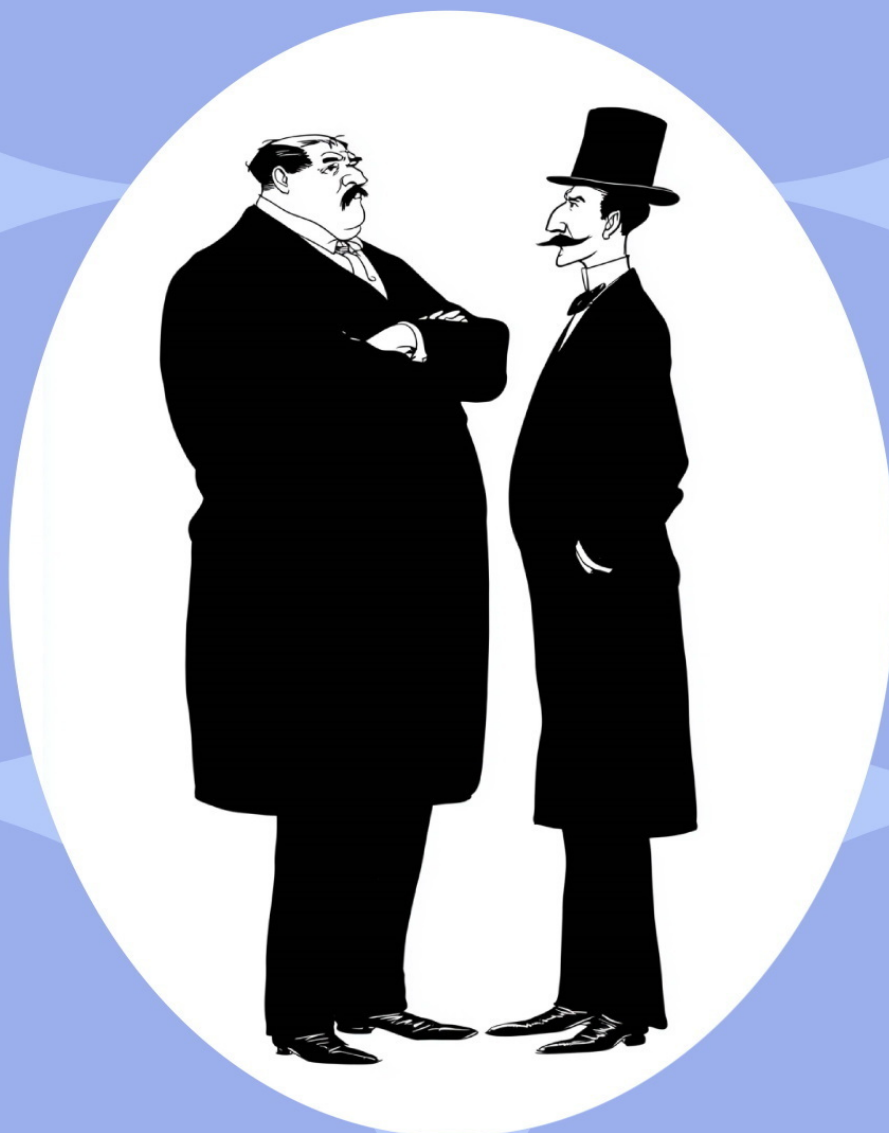

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

СТУКИН И
ХРУСТАЛЬНИКОВ.
БАНКОВАЯ ЭПОПЕЯ

Николай Лейкин
Стукин и Хрустальников.
Банковая эпопея

«ЛитРес»

1888

Лейкин Н. А.

Стукин и Хрустальников. Банковая эпопея / Н. А. Лейкин —
«ЛитРес», 1888

Заседание совета «Общества дешевого торгового кредита» уже кончилось, а директор Лавр Петрович Хрустальников все еще не уходил из комнаты заседания, хотя товарищи его, другие директора, давно уже отправились домой. Хрустальников закурил даже новую сигару и по прежнему продолжал сидеть в кресле. Дымом затягивался он как то особенно остервенительно и искоса поглядывал на управляющего конторой общества, Ивана Алексеевича Беспутнова, сортировавшего решенные дела по папкам.

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	23
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	32
Глава X	35
Глава XI	38
Глава XII	41
Глава XIII	44
Глава XIV	48
Глава XV	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Лейкин
Стукин и Хрустальников. Банковая эпопея

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Глава I Жених нужен

Заседание совета «Общества дешевого торгового кредита» уже кончилось, а директор Лавр Петрович Хрустальников все еще не уходил из комнаты заседания, хотя товарищи его, другие директора, давно уже отправились домой. Хрустальников закурил даже новую сигару и по-прежнему продолжал сидеть в кресле. Дымом затягивался он как-то особенно остервенительно и искоса поглядывал на управляющего конторой общества, Ивана Алексеевича Беспутнова, сортировавшего решенные дела по папкам.

Хрустальников был толстенький, кругленький, очень бодрый старик с солидным брюшком и гладко стриженной полуседой головой. Полное лицо его отличалось крупными, сочными губами и маленькими бакенбардиками в форме перерезанной пополам сосиски. Беспутнов был тоже пожилой человек, но сухой, с мрачным, деловым, геморроидальным лицом и котлетовидными рыжеватыми бакенбардами.

Директор вздохнул, колыхнул брюшком, пошамкал губами и устремил взор на управляющего. Управляющий поймал этот взор и сделал нечто вроде собачьей стойки, как бы говоря: «Чего изволите?»

– У меня, Иван Алексеевич, до вас просьба есть... – начал директор.

– Сделайте одолжение, Лавр Петрович, – отвечал управляющий.

– Просьба моя совершенно частная и не относится до банковых дел. Вот видите ли, мне хорошего человека нужно.

– Человека-с? – переспросил управляющий, подвигаясь к директору.

– Да, человека... И непременно хорошего и холостого, – продолжал тот. – Я бы хотел кого-нибудь из служащих в нашем банке. Ведь у нас есть холостые?

– Более половины холостых.

– Ну, вот и отлично... Вы, как управляющий, всех их очень прекрасно знаете, так не можете ли мне порекомендовать? Но, прежде всего, чтобы он не был заносчив... Потом желательно, чтобы это был бедный человек, так как я хочу сделать ему добро.

– Вам, Лавр Петрович, для вечерних занятий?

– Нет, не для вечерних занятий. Мы постараемся его поставить так, что и не нужно ему будет вечерних занятий.

– То есть вы хотите нечто вроде домашнего секретаря? – допытывался управляющий.

– Да... Пожалуй, он может быть и моим домашним секретарем. Он может здесь служить по-прежнему, мы его повысим...

– Понимаю-с... Вы хотите, чтобы он был удовлетворен хорошим содержанием от общества и за это работал для вас, то есть секретарствовал?

– Совсем не то, Иван Алексеевич... Вот видите... Мне не совсем ловко обращаться к вам с просьбой о таких услугах, но, надеюсь, что во имя наших добрых отношений, вы не посетуете на меня.

– Все, что могу, я готов.

– О, очень и очень даже можете! – Директор затянулся сигарой, пошамкал губами и продолжал: – Вот видите, есть у меня одна девица, в судьбе которой я принимаю деятельное участие. То есть она не девица, но... Да нет, ежели хотите, то девица... Ее все считают за вдову, но это неправда, замужем она никогда не была, и мне именно замуж-то ее и хочется пристроить за хорошего человека.

– Вы желаете вашу даму выдать за одного из наших служащих? – подсобил директору управляющий.

– Да... Так вот, нет ли у вас жениха?

Управляющий задумался.

– Надо сообразить, – сказал он.

– Сообразите, пожалуйста, Иван Алексеевич, разузнайте, переговорите и представьте мне такого молодого человека. Впрочем, он может быть и не молодой, но только холостой, смирный и почтительный. Также не хотел бы я, чтоб он был пьющий. Понимаете... уж ежели благодетельствовать, то благодетельствовать достойному. Конечно, уж если мы не найдем трезвого, то можно взять и выпивающего, если он не буян, но все-таки хотелось бы, чтоб это был человек сколько-нибудь приличный. Девица-то уж очень хороша, так жалко, знаете... Она держит себя вполне и прилично, любит иногда почитать, может поговорить, манеры ее не вульгарны, есть кой-какие культурные привычки... Да вы ее знаете... Помните, в прошлом году в маскарade в Купеческом клубе? Помните? Я встретился с вами, предложил вам поужинать со мной, и с нами была дама...

– Матильда Николаевна? – спросил управляющий.

– Ну вот, вот... Ее-то мне и хочется выдать замуж.

– Я ее тогда считал вдовой.

– Да ведь это, в сущности, все равно. Это такие пустяки. Конечно, она, так сказать, больше вдова... Но по паспорту девица. Выдавая ее замуж, я, разумеется, ее награжу, буду даже ее отцом посаженным, так как, надо вам сказать, у ней нет таких приличных родственников, которые бы могли занять этот почетный пост. Так вот-с... Да, не хотите ли вы ее фотографическую карточку? С карточкой вам будет несколько удобнее предлагать ее молодым людям. Впрочем, опять-таки повторяю, что это может быть и не молодой человек, но непременно холостой. Вот ее карточка. – Директор полез в карман, вынул оттуда бумажник, а из него фотографическую карточку и, передавая ее управляющему, сказал: – Не правда ли, дама хоть куда?

– Красавица, – отвечал управляющий.

– А уж как избалована – ужас! Ну, вот видите, можно ли такую женщину выдать замуж за какого-нибудь скота?! Ведь это было бы святотатством.

– Вполне с вами согласен, – отвечал управляющий, любуясь изображением женщины.

– Ах да... Скажите тому, кого вы наметите в женихи, что я даю избраннику в день свадьбы тысячу рублей в руки.

– Хорошо-с... Я постараюсь.

– Можете прибавить, что ее я и после свадьбы не оставлю своим покровительством. И ее, и его. Его тоже не оставлю. Если же тысяча рублей ему покажется слишком малой суммой, то дайте ему заметить, что он может поторговаться при личных объяснениях со мной, и я что-нибудь прибавлю. Впрочем, прибавка к тысяче рублей и не составит расчета для жениха, так как это будет лишь единовременное вознаграждение, тогда как, кроме того, я могу обещать ему постоянное покровительство. Умный человек это сейчас сообразит. Так вот-с, Иван Алексеевич, в чем моя к вам всепокорнейшая просьба... Пожалуйста...

– Похлопочу, Лавр Петрович... – отвечал управляющий. – Мне очень приятно услужить вам.

– И уж будьте добры поторопиться и дать поскорее ответ, потому – такое обстоятельство, что время не терпит. Надо непременно в начале будущего мясоеда и свадьбу сыграть, а то нехорошо будет венчаться. Некрасиво... Ему самому некрасиво. Теперь еще это пока незаметно, а ежели отложить до февраля, то будет очень заметно. Надо, знаете, чтобы и для глаз... Можете вскользь упомянуть, что и крестить ребенка я буду. На ребенка тоже тысячу рублей. Конечно, это мелочи, и я об них мог бы уговориться лично с избранником, но все лучше, если вы наперед скажете. Да и удобнее это, когда третье, не заинтересованное лицо говорит. Также объясните, что обстановка у ней прелестная. Прошлый год Лизере ей всю квартиру омеблировал.

– Скажу, всенепременно скажу, Лавр Петрович.

– Ну-с... Так вот... Стало быть, уж я на вас в надежде. Директор поднялся с кресла и взял в руки шляпу.

Управляющий поклонился.

– Ах да... Вы таким, которые заносятся и имеют фанаберию в голове, не предлагайте, не стоит, – прибавил директор.

– Я уж знаю, кому предложить. У меня есть такой на примете. Его долги одолели.

– Ну вот, вот... И если заметите, что он не прочь и поддается, то сейчас же назначайте ему прибавку к жалованью, чтобы он знал, что это должно составить ему значительную выгоду по службе. Прощайте, Иван Алексеевич.

– Прощайте, Лавр Петрович.

– Стало быть, послезавтра я могу ожидать ответа?

– Полагаю, что я успею к тому времени.

– Даже, может быть, уж и представите его мне для личных переговоров?

– Если он будет согласен, то непременно.

– В крайнем случае вы пустите в ход строгость. Что, мол, так и так... Иначе мы вас должны будем упразднить. Знаете, это иногда помогает.

– Да уж я знаю, как...

– Ну, то-то... Ведь недаром вы у нас считаетесь Соломоном. Так до свидания, Иван Алексеевич. – Директор пошел к дверям и остановился. – Ах да... – спохватился он. – Вы упомянули как-то об увеличении вам кредита по вашим личным счетам... Так мы...

– Да... Я просил... Потом, у меня есть вексель в двадцать восемь тысяч... – проговорил управляющий.

– Так мы подпишем об увеличении... Я попрошу всех. И насчет векселя... Он, кажется, долгосрочный?

– На двадцать четыре месяца.

– Ну, все равно... Прощайте. Жду ответа.

Директор вышел в другую комнату.

Глава II

Наметил

Иван Алексеевич Беспутнов, управляющий конторою «Общества дешевого торгового кредита», ходил по комнатам конторы, заложа руки под фалды визитки, хмурил брови и олимпийски поглядывал по сторонам. При его приближении артельщики в кассах как-то усерднее принимались считать деньги и процентные бумаги, изо всех сил стучая пальцами по денежным билетам и листам; кассиры с пером за ухом или в зубах непременно лезли за какой-то книгой и внимательно начинали ее перелистывать; приемщики и контролеры рассыпались в любезностях перед стоящей у решетки публикой; конторщики пригибались к реестрам и ведомостям и необычайно бойко набрасывали в графы цифры; писцы, шедшие за справками в другие отделения, не шли, а летели и считали не переменным своим долгом натолкнуться на что-нибудь, дабы показать свое рвение к делу. Все старались поставить на вид, что они работают, не жалея пота, крови, не щадя живота своего. Какой-то коротенький старичок из конторщиков даже сделал страдальческое лицо, встал с места и начал растирать руками поясницу.

Управляющий между тем остановился перед одной из конторок и стал расправлять свои котлетовидные бакенбарды. Сидевший за конторкой конторщик усиленно стучал на счетах правой рукой и водил по бумаге, на которой были изображены цифры, левой рукой. Это был пожилой уже человек, в потертой и порыжелой жакетке и с плюгавенькой бородкой на серо-лимонном лице. Волосы его стояли как-то вихрами. Вся фигура имела забитый, жалкий и вместе комический вид. Управляющий вынул из кармана носовой платок и звонко высморкался.

– Будьте здоровы, Иван Алексеевич... – обернулся в его сторону конторщик, шаркнул ножками, поклонился и опять защелкал костяшками счетов.

Управляющий улыбнулся.

– Что вы желаете мне здоровья? Я и не думал чихать, – сказал он.

– Виноват-с... Мне показалось, что вы чихнули.

– Господин Парфенов, кажется? – спросил его управляющий.

– Стукин-с, моя фамилия Стукин, – отвечал конторщик.

– Ах да... Стукин. Так, так... Я перепутал. Ведь вы холостой?

– Холостой-с... Совершенно холостой...

– То-то, я помню, что вы холостой. Мне нужно с вами поговорить, господин Стукин...

Вы оставьте работу и приходите сейчас ко мне в кабинет, но сделайте это так, чтобы заметно не было. Я жду...

Управляющий медленно повернулся на каблуках, заложил руки под фалды визитки и направился мерными шагами к себе в кабинет, а конторщик как-то весь съежился и стал перебирать бумаги.

«Ну... Верно, браниться будет. Должно быть, в кассу представлена моя расписка портному, а кассир и показал ее Ивану Алексеевичу, – думал он. – Господи! Как бы не согнал с места... Говорят, у него уйма кандидатов».

Через пять минут Стукин входил в кабинет управляющего. Войдя, он незаметно перекрестился. Управляющий перебирал какие-то бумаги и делал вид, что не замечает вошедшего. Стукин стоял у двери и наконец слегка кашлянул.

– Ах, это вы, Стукин? – поднял голову управляющий. – Я хотел поговорить с вами вот о чем... Господин главный кассир говорил мне... но я не знаю, насколько это справедливо...

– Виноват-с, Иван Алексеевич... Я уплачу-с... Все уплачу... Я не знаю, зачем только портной это сделал... Я всегда ему плачу и только последние два месяца... – перебил его Стукин.

– Какой портной? Какие два месяца? – вскинул на него глаза управляющий. – Я никакого портного не знаю.

– Извольте видеть, я сшил себе у портного платье в долг...

– Ах да, да... Но про портного я не знаю, я не слышал. Мне наш старший кассир говорил вообще, что вы нуждаетесь, и я, видя ваше старание, хотел помочь вам в ваших стесненных обстоятельствах. Ведь вы холостой?

– Совершенно холостой, но у меня сестра – вдова с ребенком на моем попечении, вот я отчего... А жалованья получаю всего сорок рублей в месяц. Как тут жить?

– С этого месяца я велю вам выдавать по шестидесяти рублей.

– Очень вам благодарен, Иван Алексеевич. Я заслужу...

– Если вы холостой, то можете вполне заслужить.

– Холостой-с, то есть как есть холостой... Никого у меня нет-с... и никогда я этим не занимаюсь-с... В этом будьте покойны, Иван Алексеевич. Ежели вам кто-нибудь сказал об этом, то наврал-с... Помилуйте, из каких мне средств?.. Ведь вы сами знаете, дамы требуют и подарков, и все эдакое... Вот вам крест святой...

– Не божитесь, не божитесь. Я верю... Скажите, как вас звать?

– Игнатием Кириловым...

Управляющий взял листик бумажки и написал на нем карандашом: «Игнатий Кириллович Стукин».

– Что вы стоите, Игнатий Кириллович? Садитесь, пожалуйста... – прибавил он.

– Ничего-с, я постою, Иван Алексеевич.

– Садитесь, садитесь. Мне с вами поговорить надо, а я не люблю разговаривать, когда передо мной стоят. Вот так. Вы курите? Курите, если хотите. Вот вам и папироска.

Стукин и ушам своим не верил. Он робко сел, но до папироски не дотронулся.

– Скажите, отчего вы не женитесь? – задал ему вопрос управляющий.

– Хе-хе-хе, Иван Алексеевич, – захихикал Стукин. – Доходы не позволяют.

– Вздор. Женатому человеку несравненно выгоднее жить. Вы не тратите деньги ни на трактир, ни на...

– Да я и так, Иван Алексеевич... У меня сестра – вдова...

– Ну а если бы я вам предложил невесту с приданым?

– Годы уж ушли, Иван Алексеевич. Ведь мне сорок семь... Хорошая невеста за меня не пойдет, а...

– Напротив, я вам предлагаю красавицу... Красавицу и с приданым. Желаете ее видеть, так вот ее портрет. Зовут ее Матильда Николаевна.

Управляющей вынул из кармана фотографическую карточку красивой женщины и подал ее Стукину. Стукин посмотрел и захихикал.

– Шутить извольте, Иван Алексеевич, такая за меня не пойдет, – сказал он.

– А я вам говорю, что пойдет; пойдет и приданое принесет, деньги, которые поступят прямо к вам в руки. Вы, Игнатий Лукьяныч...

– Кирилыч-с...

– Вы, Игнатий Кирилыч, молитесь Богу... Молитесь... Над вами восходит звезда. Да-с. Вы знаете нашего директора Лавра Петровича Хрустальникова?

– Как не знать-с... Особа известная...

– Так вот-с, эта особа обратила на вас свое милостивое око и желает вас облагодетельствовать.

– Господи! Да за что же такое счастье? Они меня совсем не знают.

– Не знают, но я на вас указал. Он просил указать достойного, и я указал на вас... Да что вы не курите? Курите. Вот и я закурю.

Стукин взял папироску и стал ее закуривать.

– Не с того конца, не с того конца... – остановил его управляющий.

– Виноват-с... Это с радости... Такое неожиданное счастье!

– Именно счастье, и я очень рад, что вы умеете ценить его, – подхватил управляющий. – Ну-с, будем говорить прямо... Я экивоков не терплю. Эта дама, которую вы видите на фотографической карточке, принадлежит нашему директору Хрустальникову. Она его дама. Он женат, но вы понимаете, что человек не может быть без привязанностей. Так вот, эту-то даму он и желал бы пристроить, выдать замуж. Он просил меня сыскать ей жениха, и мой выбор пал на вас.

Стукин хотел затянуться папироской, сунул ее в рот не тем концом, ожегся и стал отплевываться.

– Так желаете, Лукьян Семеныч? – спросил управляющий.

– Игнатий Кирилыч-с...

– Да... Игнатий Кирилыч... Так желаете, Игнатий Кирилыч?

Стукин отвечал не вдруг.

– Об этом надо подумать, Иван Алексеевич.

– Думать тут нечего. Вы получите в день свадьбы тысячу рублей на руки, а ежели сумеете понравиться Хрустальникову, то, может быть, и больше. Кроме того, вы будете иметь протекцию в лице директора, будете жить в хорошей обстановке при красавице-жене. Итак, решайте, и тогда я вас завтра же представлю Хрустальникову.

– Я должен посоветоваться с сестрой-с, Иван Алексеевич, – отвечал Стукин.

– О таких предметах с сестрами не советуются.

– Умом пораскинуть надо.

– Я не понимаю, что тут раскидывать? Вы человек нуждающийся, а выгода явная. Вот, наконец, ежели бы вам предлагали жениться на каком-нибудь уроде, а то вам предлагают красавицу...

– Так-то оно так, но ведь я полагаю, что Лавр Петрович будут по-прежнему...

– Что по-прежнему?

– Да будут по-прежнему и ездить к ним-с... то есть к одной даме...

– А что ж из этого? Какие глупые предрассудки! Это еще даже и лучше. Ревновать, что ли? Как это глупо! Вы, очевидно, мой милый, не знаете света. Это нынче в моде, в порядке вещей... Вы даже, напротив того, должны впоследствии все возможное делать, чтобы Хрустальников не охладил к этой даме. Неужели вам неприятно быть в таких близких отношениях с вашим директором?

– Как неприятно? Даже очень приятно...

– Ну, то-то... Ах да... Он обещался быть и посаженным отцом невесты, и, кроме того, отцом крестным будущих детей. На ребенка две тысячи... – перечислял все выгоды управляющий. – Так согласны? – спросил он.

– Право, уж не знаю, Иван Алексеевич... – заминался Стукин.

– Вы глупы, Парфенов... Я вас считал умнее.

– Стукин-с.

– Ну, Стукин. Для глупости что Стукин, что Парфенов – все одно. – Управляющий начал сердиться. – Чего вы пепел-то папироски на пол сорите? Пепельница есть... – возвысил он голос.

– Виноват-с, – отвечал Стукин и погасил папироску.

– Ну-с, можете идти. И дайте мне завтра решительный ответ.

– Слушаю-с. Я полагаю, что я буду согласен.

Стукин поднялся с места.

– Еще бы не согласиться! Ведь это только дурак какой-нибудь... Ну-с... В случае согласия будете перечислены на шестидесятирублевый оклад и получите пятьдесят рублей едино-

временного предварительного пособия, а не будете согласны, так у меня и кандидат на ваше место имеется. Идите.

Стукин поклонился, как-то съезжился и задом вышел из кабинета.

Глава III

Налаживается

В директорской комнате «Общества дешевого торгового кредита» сидел сам директор Лавр Петрович Хрустальников, пыхтел и курил сигару, колыхая кругленьким брюшком. Перед ним в почтительной позе стоял конторщик правления общества Игнатий Кириллович Стукин. Плюгавенькая фигурка его на сей раз была облечена в черную сюртучную пару, несколько повытертую по побелевшим швам, и на шее был повязан темно-синий новый галстук. Сапоги, хоть и с заплатками, но были тщательно вычищены. Даже вечно торчащий вихор на голове был примазан гвоздичной помадой, запах которой сейчас же давал себя знать в комнате. Стукина только что сейчас ввел в директорскую управляющий правлением общества Иван Алексеевич Беспутнов.

– Сам я вам не нужен, Лавр Петрович? – спросил упр авляющий.

– Нет... Дайте нам маленький тет-а-тет с мосье... – Директор остановился, заглянул в лежащий перед ним лист бумажки и сказал: – С мосье Стукиным.

Управляющий юркнул за дверь.

– Стукин, Игнатий Кирилыч... – продолжал директор, взглянув снова на лист бумаги, и прибавил: – Простите, мой милейший... Имена и фамилии – это мое несчастье... Никогда не могу их удержать в памяти. В лицо-то вас я уже давно знаю, давно заметил, года три-четыре наблюдаю вас как прилежного работника, всегда усердно...

– Я служу в правлении всего только второй год, – перебил его Стукин.

– Второй? Неужели? – вскинул на него глаза директор. – А мне казалось, что вы уже у нас лет пять трудитесь... Ну, все равно. Так вот-с, Игнатий... Знаете что? Я вас буду называть просто мосье Стукиным. Надеюсь, что вы мне это позволите.

– Сколько угодно, Лавр Петрович... Неужели я?..

– Так вот-с что, мосье Стукин... Надеюсь, Иван Алексеевич передал уже вам всю суть дела, иначе бы я не имел удовольствия видеть вас перед собой. Да что вы стоите? Садитесь, пожалуйста.

– Ничего-с, Лавр Петрович, я постою...

– Садитесь, садитесь... Если уж я хочу вас приблизить к себе, то с какой же стати?... Я хочу быть с вами *sans façons*¹. Так Иван Алексеевич передал вам?

– Передал, Лавр Петрович, – отвечал Стукин, садясь на кончик стула.

– И вы изъявляете желание жениться на Матильде Николаевне?

– С удовольствием, Лавр Петрович, но я желал бы прежде все-таки познакомиться с Матильдой Николаевной.

Стукин слегка захихикал.

– Само собой, само собой... Я назначу день, и вы приедете к ней. Даже сам свезу вас к ней... Вы явитесь ко мне, я вас свезу и представлю ей. Раскаиваться не будете... Девица прекрасная, любезная, веселая... Я ее знаю чуть не с детского возраста... Конечно, капризы, свойственные всем женщинам, у ней есть, но какая же женщина без капризов... К тому же не скрою от вас, что она в таком положении... Она... У ней должен быть ребенок. Я потому говорю так с вами откровенно, что полагаю в вас найти просвещенный взгляд на вещи. Ребенок будет обеспечен. На ребенка в день рождения я положу две тысячи... Так вот-с... Да... Что я хотел сказать? Ах да... Относительно просвещенного взгляда на вещи. На ваш поступок я смотрю не иначе как на гражданский подвиг... как... Вы из любви к человечеству желаете дать имя

¹ Без церемоний (*фр.*).

ребенку... Женясь на Матильде, вы, так сказать, становитесь... Ну да вы меня понимаете... Судите сами, кто может кинуть камнем в эту женщину? Она увлеклась мной, она бросилась в мои объятия... Взгляд назад – и уже ошибка непоправима. Она привязалась ко мне... Конечно, я сам должен был бы поправить мою ошибку... Но как я могу это сделать? Я женат. И меня нельзя винить... Жена моя проживает всегда большую часть года за границей, а я один, один, как травка-былинка, один, как... – Директор заколыхал брюшком и начал отдуваться. Крупная, сочная нижняя губа его выпятилась. – Протяните мне вашу руку, Стукин... Вы благородный человек, – сказал он наконец, сам взял руку конторщика и пожал ее. – Я вам скажу, Матильда – это святая женщина. Вы увидите в ней друга, вы... Ах да... Я забыл вам сказать... Как только это все устроится, я вас сделаю своим домашним секретарем.

Стукин привстал и поклонился.

– Вы останетесь служить у нас в правлении, – продолжал директор, – но будете в то же время моим секретарем. Жалованья я вам положу шестьдесят рублей в месяц. Занятия самые ничтожные... Так, иногда по вечерам что-нибудь написать, куда-нибудь съездить по моему поручению. В правлении вы также будете повышены. Вы теперь сколько получаете?

– Сорок рублей, но господин управляющий уже обещал мне шестидесятирублевый оклад.

– Сто рублей будете получать. Даже со временем больше... – сказал директор, спохватился и прибавил: – Разумеется, ежели только вы сумеете понравиться Матильде Николаевне и состоится ваш брак с ней. Но я надеюсь, во всяком случае, ее уговорить. Повторяю, она капризна... Она видала много людей... Она бывала и за границей со мной, она объездила почти всю Европу, но все-таки вы можете ей понравиться.

– Вы мне, Лавр Петрович, скажите только, что они любят, – перебил его Стукин, – так я постараюсь...

– Она любит все прекрасное, все изящное, – отвечал директор.

– Может быть, стихи-с?.. Так я этого не умею. Иной, знаете, умеет это к каждому слову и кстати, а я...

Директор нахмурил брови и сказал:

– Какой вы глупый! Да что вы, ее за горничную считаете, что ли?

– Виноват-с, Лавр Петрович...

– Да как же... Вдруг вы эдакие слова! Стихами это только писаря с горничными разговаривают. Прежде всего вы должны держать себя при ней тихо, скромно.

– Помилуйте, да разве я смею в чужом доме?

– Потом я бы советовал вам обратить внимание на вашу внешность... Одевайтесь получше.

– Помилуйте, Лавр Петрович, из каких доходов? Я вот тут летом сшил себе серенькую парочку у портного, да и посейчас не могу ему уплатить.

– Я вам дам на костюм, сейчас дам... Вот возьмите семьдесят рублей и купите себе в магазине готового платья темненькую визитку, хорошие брюки и жилет. В этой паре вы и поедете со мной к Матильде Николаевне. Да не надевайте этого противного синего галстука, а наденьте простой узенький черный галстук. Да подстригитесь немножко. Зачем это у вас сзади такие космы? Все это надо долой. Также недурно бы вам и бороду обрить. Вы так будете несколько моложе. Усы и бакенбарды можете оставить.

– Слушаю-с...

– Так обрейте. Если бы еще у вас была настоящая борода, то отчего ее не оставить, а то у вас что-то такое, как бы молью выведенное. Да седину-то фиксауаром черным покрасьте. Такой фиксауар есть. Вот вам деньги.

– Премного вам благодарен, Лавр Петрович. Когда прикажете быть готовому, чтобы к ним ехать?.. То есть к оной даме...

– Да чем скорее, тем лучше. Вот, например, хоть бы послезавтра вечером.

– Я готов-с.

– Ну и отлично. Да преобразитесь же, смотрите, к этому времени. Ко мне вы можете явиться с портфелем. Будто бы с делами. Вы мой адрес знаете?

– Помилуйте... Кто же его не знает!

– Ну так ступайте и занимайтесь. До послезавтра. Да до поры до времени не хвастайте и никому не рассказывайте.

– Зачем же я буду рассказывать? Я понимаю-с.

Директор подал Стукину на прощанье руку и прибавил:

– Прощайте. Теперь я вижу, что вы благородный человек с возвышенными взглядами и враг предрассудков.

Стукин вышел из директорской комнаты далеко не таким, каким он вошел в нее. Обыкновенно как-то съежившийся, голову он теперь держал прямо и гордо. На губах сияла какая-то глуповато-таинственная улыбка, серые глаза косились то направо, то налево. Он походил на обтрепанного петуха, пожелавшего вдруг подраться. Вернувшись к своей конторке, он даже мурлыкал себе под нос какие-то куплеты.

– Вы были сейчас в директорской комнате? Что вы там делали, Игнатий Кирилыч? – спрашивали его сослуживцы.

– Хрустальников меня к себе призывал.

– Лавр Петрович? – удивились они.

– Да, Лавр Петрович. Что же тут удивительного? Мы с ним давно знакомы.

– Давно?

– Да лет пять.

– О чем же он с вами разговаривал?

– Ах ты господи! Да просто поручил устроить ему одно дело.

На губах Стукина мелькала какая-то таинственная улыбка. Он запер конторку и стал собираться уходить, хотя еще занятия в конторе не кончились.

– Куда вы?

– Домой. Надоело что-то сидеть. Впрочем, хочу еще зайти в «Палкин» трактир и закупить чего-нибудь, – отвечал Стукин. – Как окончите занятия, приходите туда. Я вас попотчую водкой и карасями в сметане. Караси в сметане – прелесть что такое!

Двое сослуживцев выпучили глаза.

– Ну, Игнатий Кирилыч, верно, дело хорошее поручил вам Хрустальников.

– Да... Очень и очень недурное... – отвечал Стукин, прибавил: – Так приходите же, я жду, – и стал уходить из конторы.

Глава IV

К невесте едут

В назначенный час и день конторщик правления «Общества дешевого торгового кредита» Игнатий Кириллович Стукин входил уже в подъезд директора того же общества Лавра Петровича Хрустальникова. Бульдогообразный и рослый швейцар, увидя тщедушную и плюгавенькую фигурку Стукина, облеченную в коротенькую выеденную молью шубенку и замасленную драповую шапку, дерзко спросил:

– Вы куда?

– К господину Лавру Петровичу Хрустальникову, – отвечал Стукин.

– С черной лестницы... Да к тому же теперь генерал и не принимает. Он только что пообедал.

– Ну, меня-то он примет, – подмигнул Стукин и продолжал идти далее.

– Позвольте... Да вы что за особенный?

– Я? Я секретарь его, и мне приказано прийти сегодня, в этот час.

– Секретарь? – протянул швейцар, косясь на шубенку и шапку Стукина. – Что у него прежде никаких секретарей не было! Да куда же вы лезете? Вам сказано: с черной лестницы.

– Как с черной лестницы! Видишь, у меня портфель с делами.

– Портфель... Да ведь с портфелями и всякие шляющие дровокаты ходят. Ну ступайте, коли вы секретарь и с делами. А только смотрите, как бы чего не вышло. Он не любит, кто к нему с парадной лестницы... Да снимите здесь калоши, а то у нас по коврам не приказано...

– Чудак-человек... Как я тебе сниму калоши, если я без калош? Я никогда не ношу калош.

– Секретарь и без калош! Странно... Ну идите.

Стукин направился вверх по лестнице. Швейцар дал звонок. В бельэтаже перед Стукиным отворилась дверь. На пороге стоял лакей во фраке.

– Як Лавру Петровичу... Они приказали... Моя фамилия Стукин, – произнес Стукин.

– Пожалуйте... Ждут.

Стукин повесил на вешалку шубенку и спросил:

– Куда идти?

– А вот сейчас доложу, – отвечал лакей, отправился, доложил, вернулся и провел Стукина в кабинет.

Лавр Петрович Хрустальников сидел у себя в кабинете и помещался в кресле-качалке. Он только что сейчас пообедал и курил сигару. Перед ним на маленьком столике стояла недопитая чашка кофе и опорожненная ликерная рюмка. Лицо Хрустальникова было красно, глаза полуприщурены. Видно было, что он хорошо пообедал. Завидя Стукина, он воскликнул:

– А! Стукин!.. Ну, вот и отлично. Батюшки! Без бороды! Покажись-ка, покажись, как ты преобразился. Подойди к лампе-то... Вот так... Знаешь что, братец ты мой? Ты с бородой был интереснее.

– Да ведь вы сами же, Лавр Петрович, изволили приказать...

– Да, я полагал, что ты будешь покрасивее несколько, но уж теперь ты совсем на обезьяну похож... Или нет, не на обезьяну, а как это животное-то?.. У тебя нос как-то неприлично вытянулся вперед, на манер утюга... Да, утюг... совсем утюг...

Язык Хрустальникова несколько заплетался. Стукин опешил. Он не ждал такого приема. Хрустальников заметил это и поправился.

– Ты, братец мой Стукин, прости, что я с тобой так фамильярно и называю тебя «ты», – начал он. – Откровенно говоря, наши отношения так тесны, что иначе и нельзя. Ты не сердишься?

Стукин несколько оправился и отвечал:

– Помилуйте, Лавр Петрович, да разве я смею!..

– Ну, то-то... Я сейчас вижу, что ты добрый и простой малый. Повернись-ка, повернись-ка еще раз передо мной... Да... физиономия твоя подгуляла. Знал бы я, так не велел бы тебе брить бороды. Ну да наплевать! Нам с лица не воду пить. Ты знаешь, Стукин, эту пословицу: «Нам с лица не воду пить»?

– Как же не знать-то-с? Отлично знаю.

– Верная пословица... Удивительно верная. Да, русский человек остер и удивительно меток в своих определениях. Я всегда это говорю. Ты это зачем же завился-то? Понравиться Матильде хочешь? Ах, шельма!

– Да ведь вы сами же...

– Да-да-да... Против этого я ничего... Но должен тебе сказать, что понравиться ей очень трудно. Она женщина с развитым вкусом. Да и вообще... Ах, ежели бы ты знал, Стукин, что это за женщина! Она вся соткана из нервов. А тело! Ты видал ли Венеру Медицейскую? Нет, она не Венера Медицейская, она полнее, круглее, но формы, я тебе скажу!..

Стукин захихикал.

– А вот познакомлюсь-с, – начал он, – да понравлюсь-с, так...

– Что?! – крикнул на него Хрустальников и погрозил пальцем. – Смотри у меня!

– Да ведь сами же вы желаете, чтобы я сочетался с ними законным браком.

– Верно. Но об этом законном браке с тобой будет еще обширный разговор по пунктам. Ну да что об этом говорить! Это у тебя какое платье?

– Новое-с. У Корпуса купил на ваши деньги. Вы изволили дать семьдесят рублей, а заплатил я семьдесят два рубля. Два рубля передержки.

– Стоит ли об этом разговаривать! Два рубля передержал – я тебе их и отдам. Получай два рубля... Вот тебе трехрублевая бумажка... двух рублей у меня нет. Ну да лишний рубль ты возьми себе на папироски. Повернись-ка еще! Платье ничего... По платью и сзади ты совсем приличный человек... А вот спереди... Главное, нос... Нос у тебя совсем неприличный. Послушай, Стукин... Обрей свой нос.

– Помилуйте, Лавр Петрович, да разве это можно?

– Отчего же нельзя? Нынче отлично режут носы и приставляют новые. Я тебя отдам хирургу. Хирург тебе старый нос отрежет и новый приставит.

– Это уж невозможно-с, – отшучивался Стукин и при этом глупо-преглупо улыбался.

– Отчего невозможно? Ну а если тебя попросят? Если тебя сама Матильда Николаевна попросит? Тогда ты должен согласиться. Ведь женщина – все. И какая женщина-то! Кожа – атлас, глаза – бархат! Придвинься-ка ко мне... Что это у тебя из-за жилетки выпятилось парусом? Сорочка...

– Это не сорочка, а манишка-с.

– Послушай, разве можно такие манишки носить? Ведь у тебя все парусом выпятилось вперед. Надо переодеться. Сейчас мой лакей даст тебе свою сорочку надеть, а эту манишку сними. Я дал бы тебе мою сорочку надеть, но я вдвое толще тебя. И как отрепана у тебя твоя манишка!.. Какие-то усы у ней. Нет, в таком виде нельзя являться перед Матильдой. Алексей! – крикнул Хрустальников лакею. – Дай ты вот этому человеку надеть свою сорочку. Он тебе возвратит потом. Смотри же, Стукин, не зажиль сорочки.

– Что вы, Лавр Петрович...

Лакей принес сорочку.

– Ну, надевай... Надевай здесь... Вот тебе диван, сядь и надевай... – указал Хрустальников. – Ты надевай, а я буду смотреть. Да... Нос у тебя черт знает какой! Какой-то святочный, маскарадный... Впрочем, может быть, это и хорошо. Не правда ли, Стукин? Ведь иногда нос...

– Что это вы, Лавр Петрович, так уж очень мой нос расхаиваете? – обидчиво произнес Стукин. – Ведь вы и раньше изволили его видеть.

– Врешь, он был не такой, совсем не такой. Он у тебя вдруг ни с того ни с сего вырос. Послушай! Ты его поливал, что ли?

– Помилуйте, да разве носы поливают?

– Все нынче поливают, все нынче удобряют. И носы тоже...

– Не слышал, Лавр Петрович.

– Мало ли, ты чего не слышал! Ты глуп, Стукин, очень глуп. Впрочем, прости, прости. Это я так... – спохватился Хрустальников и прибавил: – Ну, вот теперь отлично, теперь сорочка вполне приличная. Ну, однако, пора... Поедем к Матильде Николаевне. Она ждет. Алексей! Или Григорий! Кто там? Дай мне зельтерской воды! – крикнул он лакею и снова обратился к Стукину: – Ты умеешь ли, Стукин, прилично раскланяться перед дамой? Покажи-ка мне, как ты войдешь и поклонись. Сделай репетицию. Не стыдись, не стыдись. Чего ты?.. Ну?!

Стукин прошелся по ковру кабинета и поклонился.

– На манер медведя ученого, – сказал Хрустальников. – Ну да ничего, сойдет. Бывает, что люди и хуже кланяются.

Он начал пить зельтерскую воду, выпил и прибавил:

– Однако, я сегодня отлично пообедал. Алексей! Сюртук!.. – крикнул он, сбрасывая с себя халат. – Едем, Стукин! Стукин... Вот и фамилия твоя какая-то тоже неприличная. Не знаю, как уж тебя я буду и представлять?.. Вдруг ошибешься? Скажешь фамилию-то да и ошибешься, пропустишь букву «т», ну и выйдет неловко.

– Что вы, Лавр Петрович!.. – застенчиво сказал Стукин.

– А что? Конечно же, неприличная. А эта статья важная... Не знаю, согласится ли еще Матильда Николаевна быть мадам Сукиной. Она женщина ох какая щекотливая!

– Зачем же так произносить?

– Да ведь ошибиться можно. Алексей! Перчатки и шляпу!.. Едем, Сукин! – крикнул Хрустальников. – Впрочем, может быть, ты хочешь выпить на дорогу стакан вина для храбрости? – спросил он Стукина. – Выпей, выпей... Ты будешь развязнее. Дать ему стакан вина!

Лакей принес графинчик коньяку. Хрустальников заставил Стукина выпить.

– Пей, пей... Не стыдись, – прибавил он. – Я теперь живу на холостом положении. Жена за границей. Ну, едем!

Они вышли в прихожую и начали надевать шубы.

– Эх, шубенка-то у тебя как подгуляла! – сказал Хрустальников.

– Плоховата-с, – отвечал Стукин. – Вот если бы ваша милость была...

– Сделаю, сделаю, сумею только устроить так, чтобы Матильда Николаевна не смотрела на тебя как на черта.

– Постараюсь, Лавр Петрович.

Они сходили с лестницы.

– Ах ты, Сукин, Сукин! – сказал Хрустальников. – Знаешь, впрочем, ведь такая фамилия была среди аристократии. Генерал один был с такой фамилией. Ты это чего сморщился-то? Обижаясь? Ты, брат, не обижайся. Это я так, любя... Ты благороднейший человек, господин Стукин, ты делаешь подвиг. Женитьба твоя на Матильде будет высоким подвигом человеческим! Давай руку. Вот так. Видишь, я... я жму твою руку. Ну, отойди теперь немножко от меня... Швейцар смотрит.

Через минуту они ехали в карете.

Глава V У невесты

Карета подъезжала к подъезду на Разъезжей улице. Из нее вышли Лавр Петрович Хрустальников и Игнатий Кириллович Стукин. Банковый туз Хрустальников привез ничтожную двойку – Стукина – к невесте. Они вошли в подъезд. Швейцар подобострастно поклонился Хрустальникову.

– У меня изволите, Лавр Петрович, свою шубу оставить? – спросил он.

– Нет, наверху. По всей вероятности, я долго там пробуду. У себя Матильда Николаевна?

– У себя-с... Сегодня днем только прокатиться выезжали. Господин! Вы к кому? – крикнул швейцар Стукину. – Оставьте внизу калоши.

– Он со мной, со мной, – отвечал Хрустальников. – Вот что, брат Стукин... – шепнул он. – Послушай, так и хочется назвать тебя Сукиным, – прибавил он в скобках. – Ну да это ничего. Вот что, брат Стукин... Ты уже познакомься как-нибудь с швейцаром. Тебе часто придется здесь бывать, по всей вероятности, а он человек строгий. На возвратном пути ты дай ему рубль, что ли. Зачем же ты портфель-то с собой несешь?

– Да ведь вы сами велели прийти с портфелем.

– Так ведь то ко мне. Это для того, чтобы люди видели, что будто ты ко мне по банковым делам шляешься. А зачем же сюда-то портфель? Ты мог бы его у меня в квартире оставить. Ну зачем тебе здесь портфель? Ты, брат, ужасно глуп, посмотрю я на тебя. Ну, иди... Вот, брат, на какой лестнице придется тебе жить, если дело с Матильдой Николаевной уладится. Хороша лестница? А квартирка какая у ней! Прелесть. Не знаю вот только, которую каморку она тебе отдаст.

– Это под кабинет-с? – спросил Стукин.

Хрустальников посмотрел на него, как-то двусмысленно улыбнулся и сказал:

– Да, под кабинет. Однако, посмотрю я на тебя, и глуп же ты, Стукин, – прибавил он. – Ну да ничего. Хоть и говорят, что простота хуже воровства, но мне она нравится. В данном случае она лучше. Ты, кажется, обиделся? – спросил он. – Ты, брат, не обижайся. Что же, глупость – ведь уж это от Бога. А все-таки я и за глаза и в глаза тебе скажу... – Хрустальников остановился около темной дубовой двери в третьем этаже и тяжело дышал, переводя дух. – А все-таки я тебе, Стукин, и в глаза скажу: ты благородный человек, ты делаешь подвиг, ты сознательно хочешь прикрыть грех женщины и дать имя ее будущему ребенку. Черта прекрасная. Ну, суди сам, чем виноват невинный младенец? Дай сюда твою руку... Я пожму.

Хрустальников одной рукой взял Стукина за руку, а другой нажал пуговку электрического звонка.

Горничная отворила дверь. Из комнат квартиры послышался звонкий лай маленьких собачонок. Через минуту они высыпали в прихожую. Их было три. Они звенели бубенчиками своих ошейников и прыгали на Хрустальникова. Хрустальников снял с себя шубу и стал направлять собачонок на Стукина.

– Чужой, чужой... Кусь его, кусь... – тряс он Стукина за фалду визитки.

Стукин ежился. Собачонки хватили его за брюки.

– Что вы, Лавр Петрович, да разве можно так... – говорил Стукин. – Ведь они могут...

– Что могут? Ну чего ты боишься? Съедят, что ли? Разве в состоянии такие маленькие собачки съесть такого большого дурака? Ну, пойдем.

Они вошли в гостиную, устланную мягким ковром. Под большим розовым бумажным абажуром горела лампа. Собаки продолжали лаять на Стукина.

– Лавр Петрович! Это вы? – слышался женский голос из смежной комнаты. – Послушайте, что вы собак-то дразните!

– Я, Матильдочка, не один. Я привез к тебе одного человечка, – отвечал Хрустальников, кладя на пианино свою шапку. – Можно нам обоим войти?

На пороге показалась красивая, рослая, полная молодая женщина в светло-синем кашемировом капоте, вышитом белым шелком. Это был тип русской, неправильной, но симпатичной красоты. Женщина имела густые русые волосы, неподведенные настоящие брови, добрые серовато-голубые глаза, несколько припухшие от обильного сна. Вообще косметики еще не были пущены во весь свой полный ход. На вид ей было лет двадцать восемь.

– Здравствуй, Матильдочка... – начал Хрустальников, подошел к ней, взял за руку и хотел поцеловать.

Матильда Николаевна, увидав постороннего человека, несколько попятилась.

– Что вы! Что вы! – заговорила она.

– А что? При нем-то уж будто и поцеловать нельзя? При нем все можно, – отвечал Хрустальников, взял Матильду Николаевну за подбородок и поцеловал ее. – Ну, Матильдочка, позволь тебе представить: вот это будущий директор «Общества дешевого торгового кредита» Алексей Кирилыч Стукин.

– Игнатий Кирилыч... – поправил Стукин.

– Да, то бишь Игнатий Кирилыч... Ну да ведь это все равно... Алексей, Игнатий... Одним словом, Стукин, будущий директор... Чего ты, Матильдочка, смеешься? Я говорю: будущий... Лет через двадцать пять, через тридцать мосье Стукин наверное будет директором нашего банка... ежели только доживет... – сказал Хрустальников и захохотал. – Тебе сколько лет, Стукин? – спросил он.

– Хе-хе-хе... Шутник вы, Лавр Петрович, – захихикал Стукин.

– Ну, сколько же, однако? Не стыдись, говори. Что тебе свои годы скрывать? Ведь ты не баба.

– Сорок пять-с...

– Ну, вот видишь... Через тридцать лет тебе будет семьдесят пять, ты разбогатеешь, захватишь в свои руки доброе количество наших акций и будешь директором. Кланяйся же Матильде Николаевне. Ну, расшаркивайся, расшаркивайся, как я тебя давеча учил. Вот так. Дай ему, Матильдочка, поцеловать ручку. На, целуй... Вот так... Хороша ручка-то? Хороша? Чего ты улыбаешься? А посмотри, повыше-то какая! Посмотри, локоток-то какой!

– Да что вы, Лавр Петрович... – с неудовольствием отдернула руку Матильда Николаевна, но Хрустальников успел уже отвернуть рукав капота и показать Стукину ее руку.

– Хороша? – приставал он к Стукину.

– Очень прекрасная-с... Уму помраченье.

– Ну, то-то. Однако, брат, я теперь вижу, что у тебя губа-то не дура. Ты тоже понимаешь толк в апельсинах. Ну, Матильдочка, теперь пои нас чаем... Пои и будь с гостем поласковее. Это тот самый Стукин, который и о котором... Ну да ты знаешь.

Они вошли в роскошный будуарчик.

– Садись, Стукин... Что же ты стоишь? – сказал Хрустальников, сел на диван и закурил сигару. – Вообще при нем прошу не стесняться, – обратился он к Матильде Николаевне. – Ну, Стукин, рассказывай нам что-нибудь.

Стукин сидел на кончике стула и глупо улыбался.

– Что же я буду рассказывать, Лавр Петрович? – отвечал Стукин.

– Как что? Что знаешь, то и рассказывай. А не умеешь рассказывать, так пой. Ну, спой что-нибудь. Спой какой-нибудь чувствительный романс Матильде Николаевне.

– Я не пою-с.

– Как не поешь? У Матильды Николаевны вон даже собачонка Путька поет, когда Матильда Николаевна на пианино заиграет. Путька поет, а ты петь не умеешь? Вздор!

– У кого угодно из служащих спросите, что не умею петь.

– Ты часто бываешь в опере?

– Редко-с... Помилуйте, Лавр Петрович, из каких доходов?

– А вот ежели Матильде Николаевне ты понравиться, если звезда твоя взойдет, то и доходы твои поправятся. Знаешь, Мотичка, он даже бороду обрил сегодня, чтобы тебе понравиться.

– Да полноте вам, Лавр Петрович, оставьте... – остановила Хрустальникова Матильда Николаевна. – Вы холостой или вдовый? – обратилась она к Стукину.

– Как есть холостой, самый настоящий холостой-с. Вот уж Лавр Петрович наводили справки, – отвечал Стукин.

– Одни живете?

– С сестрой-с... Сестра у меня вдова... Но сестру можно и побоку, если ей дать двадцать рублей в месяц.

Она папиросы набивает. Очень многие из наших конторщиков у ней покупают.

– Нет, Стукин, нет, это неинтересно. Ты об чем-нибудь другом... – перебил его Хрустальников. – Ты лучше позабавь чем-нибудь Матильду Николаевну.

– Ей-богу, уж не знаю, Лавр Петрович, как позабавить.

– Расскажи какой-нибудь анекдот.

– И анекдотов не знаю. Разве рассказать вам, как я тонул в прошлом году в Фонтанке?

– Ну вот, вот... Расскажи... Пьяный?

– Я, Лавр Петрович, не пьянствую. Я вина пью самую малость.

– Отлично, отлично! Этим ты можешь снискать расположение у Матильды Николаевны. Так рассказывай, Стукин.

– А вот мы лучше перейдем в столовую. Самовар уже готов. Там мосье Стукин нам и расскажет, – перебила Матильда Николаевна.

– Лив самом деле, – согласился Хрустальников. – Снимайся, Стукин, с якоря и пойдем в столовую. Ты вот что, Мотичка, ты нам хереску бутылочку достань хорошенького. Он хоть и мало пьет, а хереску перед чаем выпьет. Это развяжет у него язык. А то он сидит словно язык проглотил. Так вели хереску.

– Сейчас. Я и сама с вами полрюмки выпью. У меня что-то под ложечкой щемит... – отвечала Матильда Николаевна.

– Ах ты, моя добрая и послушная цыпочка! – проговорил Хрустальников, привлек к себе Матильду Николаевну и поцеловал. – Не смущайся, Стукин, не смущайся, – прибавил он. – Это я на правах отца. Ну, пойдем, пойдем в столовую. А какой, брат, у меня здесь херес, так просто пальчики оближешь! – Хрустальников причмокнул.

Они отправились в столовую.

Глава VI

У невесты за чаем

Хрустальников и Стукин пили чай у Матильды Николаевны. Висевшая с потолка лампа приятным светом озаряла опрятный томпаковый самовар вазочкой, чайный прибор и бутылку хереса на подносе, окруженную рюмками тонкого дорогого хрусталя. Матильда Николаевна разливала чай, Хрустальников сидел по левую руку от нее, глумился над Стукиным, глупо острил и так усердно хохотал, колыхая объемистым брюшком, что то и дело заставлял лаять маленьких собачонок, приютившихся за столом.

– Что это вы сегодня какой-то особенно веселый? – спросила Матильда Николаевна. – Хохочете, как какой-нибудь...

Она не договорила.

– Пообедал, матушка, хорошо пообедал, – отвечал Хрустальников. – Были у меня три нужных человека, так вот с ними...

– То-то я слышу, что от вас так вином пахнет, да и глаза, и язык...

– Выпил, действительно, выпил. А что за беда? У кого совесть чиста, тот может всегда себе позволить... Правду я говорю, Стукин?

– Совершенно справедливо, Лавр Петрович, – откликнулся Стукин.

– Вот и с ним выпил, с этим одром, – продолжал Хрустальников, указывая на Стукина. – Кажется, выпил? Или не пил?

– Не пили-с. Вы только меня одного попотчевали.

– А не пил, так теперь выпью. Я, брат, тобой не гнушаюсь, ты человек покладистый... Да, три нужных человека пришли к обеду, и один нужный человек – после обеда. Слышишь, Стукин, ведь это я тебя называю нужным-то человеком. Нет, какова честь! Стукин, козявка, – нужный человек для Хрустальникова. Только ты этим не гордись. Ну, давай выпьем хересу перед чаем. – Хрустальников налил три рюмки и чокнулся со Стукиным. – Нет, честь-то, честь-то какая тебе! Директор Хрустальников чокается с тобой, – прибавил он.

– За здоровье Матильды Николаевны, – проговорил Стукин и выпил рюмку залпом.

– Да разве хересом пьют здоровье? Какое же это здоровье хересом! – перебил его Хрустальников. – И выпил залпом, словно водку... Да разве такой херес залпом пьют? Ведь этот херес дороже тебя самого. Его смаковать надо, пить понемножку. Вон англичане пьют даже через соломинку.

– Помилуйте-с... Если за здоровье такой дамы, то чего же жалеть!

– Скажите на милость! «За здоровье такой дамы»... Каков? Ах ты, ерошка! И наконец, как ты смеешь ее дамой называть, если она девица?

– Все равно, за здоровье такой прекрасной девицы дорогого хереса жалеть не следует.

– Да я не жалею, а я только указываю на твое невежество по отношению к тонкостям вкуса. Ведь уничтожил рюмку благородного вина, как свинья апельсин, даже не расчухавши.

– Лавр Петрович... Зачем так? – остановила Хрустальникова Матильда Николаевна.

– Что «Лавр Петрович»! Я дело говорю. Ну, пей еще рюмку, да пей с чувством, с толком, с расстановкой.

– Боюсь... Впрочем, ежели Матильда Николаевна прикажут?

– Пейте, пейте, Стукин, – сказала Матильда Николаевна.

– Тогда уж позвольте ручку в знак согласия.

Матильда Николаевна протянула руку.

– А поцеловать можно? – спросил Стукин и, получив утвердительный ответ, взасос поцеловал руку Матильды Николаевны.

Хрустальников всплеснул руками.

– Каков подлец?! Я от него и не ожидал такой прыти! – воскликнул он. – Да ты, брат Стукин, совсем галантный кавалер и таким манером можешь даже совсем отбить у меня Матильду Николаевну.

– Да ведь сами же вы...

– Что я сам?

– Сами же вы сказали, что я должен понравиться Матильде Николаевне.

– Ты? Ты... понравиться? Да разве ты можешь понравиться с твоим вихром на голове, с твоим утыгом вместо носа! – снова воскликнул Хрустальников, но тотчас же спохватился и, понизив голос, прибавил: – Ах да... То есть ты совсем в другом смысле... Ну-ну-ну... Пей... Так как же, Матильда Николаевна, понравился тебе господин Стукин?

– Конечно, с первого раза трудно сказать, но ничего, он человек хороший, добрый, смирный. Только уж вы, Лавр Петрович, очень его затормошили. Вы, мосье Стукин, заходите ко мне чаще. Заходите как-нибудь почаще...

– Каково? Что я слышу! Боже мой, что я слышу! – всплескивал руками Хрустальников.

– Заходите, заходите... – ласково кивала Стукину Матильда Николаевна. – Вам утром некогда, вы заняты, так заходите вечером, перед театром, так, как-нибудь между пятью и семью часами.

– Лавр Петрович, можно? – спросил Стукин и глупо улыбнулся.

– Ежели, брат, хочешь, то я тебя даже на целый день откомандирую.

От выпитого дорогого хереса Стукин сделался совсем развязным, а Хрустальников, много пивший уже за обедом, становился все пьянее и пьянее.

– Итак, Матильда Николаевна, ты находишь, что Стукин гораздо лучше черта и что ты в состоянии его выносить?

– Да полноте вам, Лавр Петрович... – снова остановила Матильда Николаевна Хрустальникова. – По первому впечатлению я нахожу, что мосье Стукин – очень и очень приятный кавалер.

– Стукин! Кланяйся, кланяйся, брат... Ты заслужил расположение, – проговорил Хрустальников, сбивая прическу Стукина и наклоняя его голову. – Ты успел заслужить расположение хозяйки, а теперь постарайся заслужить расположение ее собачек. Ну, пей за здоровье ее собачек, пей. Это ей будет приятно.

Хрустальников налил еще две рюмки.

– Да когда же вы будете чай-то пить? – спросила Матильда Николаевна.

– Выпьем, выпьем и чаю. Ты вот что... Ты вели подать коньяку к чаю... – сказал Хрустальников.

– Да ведь вам вредно так много пить. Вспомните, что доктор сказал.

– Что доктор сказал? Мало ли, что доктора говорят... Да и о чем ты хлопчешь? Умру – вот этот зверь у тебя мужем останется, – указал Хрустальников на Стукина. – Деньги на твоего будущего ребенка положены. Прислушайся, брат Стукин, это и ты... Слышишь? Две тысячи. На ребенка две тысячи. Ну, пей за здоровье собак Матильды Николаевны, пей и приступим к чаю... Ах да... Ты хотел нам рассказать, как ты тонул в Фонтанке. Как же это так?

– Собаку спасал-с. Пошел спасать собачку и начал тонуть сам, – отвечал Стукин.

– Матильда Николаевна! Слышишь? – сказал Хрустальников.

– Это делает вам честь, мосье Стукин. Что же, вы спасли ее? – спросила Матильда Николаевна.

– Спас-с, но зато и самого насилу вытащили. Иду, это, я по Фонтанке. Дело было в марте. Вдруг в ледокольной майне собачка барахтается... Провалилась. Визжит... Делает лапками вот так, так... Барахтается, хочет выскочить на лед, но тонкий лед под ней подламывается. Жалко мне стало собачонку... За душу хватает... Бросаюсь я на лед, подхожу к майне, вдруг –

трах – и сам проваливаюсь. Тут уж бросился народ с досками, с веревками, стали закидывать извозчичьи вожжи. Меня и вытащили.

– А собачку? – спросила Матильда Николаевна.

– Меня вытащили и собачку вытащили. А кабы не я, то собака так бы и погибла, никто бы и не бросился ее спасать.

Бутылка хересу была выпита. Хрустальников был уже почти совсем пьян, сидел и пил чай с коньяком.

– Ну-ка, собачий спаситель, так как же собака-то визжала и лапками махала? Покажи-ка, как она лапками-то?.. – говорил Хрустальников. – Ты так отлично показываешь.

– Известно, как собаки... Ведь она между жизнью и смертью... Жить-то каждой твари хочется.

– Да ты покажи. Ну, изобрази все это в лицах...

– Да вот так...

Стукин замахал руками.

– Ну завизжи по-собачьи. Ну что тебе? Завизжи...

– Лавр Петрович... – Матильда Николаевна дернула Хрустальникова за рукав.

– Оставь... Что тебе! – рванулся тот и продолжал:

– Ну, ну, ну, Стукин... Изобрази-ка собаку.

– Да ведь я изображал.

– Ты ляг на пол и изобрази. Ну что тебе стоит? Ну изобрази...

– Иначе я не умею-с.

– Не умеешь! А не умеешь, так пошел вон! Да и пора тебе... Надоел... Прощайся с Матильдой Николаевной и иди домой.

– А вы-то? Я хотел вас домой проводить.

– Не надо. Я здесь останусь. Я с Матильдой останусь. А ты... марш!

Хрустальников был уже совсем пьян.

Стукин начал прощаться.

– Прощай, – сказал ему Хрустальников и протянул два пальца. – Прощай... Хоть ты и свинья, но ты благороднейший человек, ты хочешь прикрыть грех женщины и дать имя невинному младенцу. Ну, довольно... Пошел вон!

– Не обращайтесь на него внимания, не обращайтесь. Это он так, – говорила Матильда Николаевна Стукину. – Прощайте... Заходите... Мы поговорим.

– Всенепременно-с. За счастье считаю...

Стукин поклонился и уходил.

– Стукин! Стой! А когда же свадьба? – кричал ему вслед Хрустальников, но Стукин уже не слышал.

Глава VII

Визит невесте

Игнатий Кирилыч Стукин подходил к подъезду дома, где жила Матильда Николаевна. В подъезде встретил Стукина швейцар. Задобренный в прошлый раз рублевой бумажкой для знакомства, на сей раз он уже не приставал с требованием снять калоши и только сказал:

- Да ведь Лавра Петровича там нет.
- Мне его и не надо. Я к Матильде Николаевне, – отвечал Стукин.
- К Матильде Николаевне? Ну смотрите, примет ли...
- Как же не принять, если она меня сама звала.
- Нет, я к тому, что там у них уж один гость сидит.

Стукин поднялся по лестнице и только что хотел нажать у дверей пуговку электрического звонка, как дверь отворилась, и из нее, пятась на лестницу, вышел юный кавалерийский юнкер. Не замечая Стукина, он послал в открытые двери летучий поцелуй и стал спускаться с лестницы. Стукин юркнул в отворенную дверь. В прихожей около дверей стояла сама Матильда Николаевна. Увидав Стукина, она несколько оторопела.

- Вы каким манером?.. – вырвалось у ней.
- Я-с?.. Да ведь вы сами изволили звать меня, Матильда Николаевна. Вы сказали: приходите как-нибудь перед театром, после пяти часов. Лавр Петрович изволили на это согласиться, вот я и пришел.

- Ах да... Виновата... Я совсем забыла... К тому же вы так вдруг... без звонка... Я так перепугалась... Милости просим, мосье... Все позабываю, как вас...

- Стукин... Игнатий Кирилыч Стукин.

- Прошу покорно в гостиную, мосье Стукин. Снимайте шубу и пойдемте... А я вот провожала одного моего родственника. Горничная приготовляет мне платье к сегодняшнему спектаклю, так я сама... Добрый мальчик он, но глупенький еще... Я так и смотрю, впрочем, на него, как на неразумного, ветреного мальчика. – Косметики не были в большом ходу у Матильды Николаевны, а потому при свете лампы, хорошо освещавшей маленькую прихожую, можно было видеть, как она, говоря эти слова, покраснела. – Ну, пойдемте в гостиную, – еще раз прибавила она, когда Стукин снял с себя шубу.

- Прежде всего, позвольте мне вам, как даме-с... Дамы любят сладкое... – начал Стукин и подал Матильде Николаевне коробку конфет.

- Мерси. Это Лавр Петрович прислал? – спросила она.

- Нет-с, это от меня... Я сам-с... Лавр Петрович даже и не знают, что я сегодня отправился к вам.

- Скажите, какой вы милый и любезный... Я даже и не ожидала.

- Во мне, Матильда Николаевна, души много. Я все понимаю-с... Только бы меня поняли... Я всегда готов-с...

- Они вошли в гостиную.

- Садитесь, пожалуйста. Лавр Петрович здоров ли? Он у меня сегодня не был, да и вчера не заезжал. Разве вот, может быть, сегодня в театре его не увижу ли? – говорила Матильда Николаевна.

- Слава богу-с... Я их видел мельком в правлении, когда они проходили в директорскую, но сам в директорскую не заходил, чтоб засвидетельствовать им свое почтение. У нас, знаете, управляющий этого не любят и сердятся. Им все кажется, что на них жаловаться идут. Это то есть управляющему-то... – пояснил Стукин.

- За что же жаловаться? Разве он нехорошо обращается со служащими?

– Не то чтобы нехорошо-с... У них и не разберешь, ласковы они или неласковы, потому всегда без улыбки и лицо строгое, а они не так поступают. Для себя – все, а для служащих – ничего, особенно для мелких. Сами пользуются, берут под долгосрочные векселя, и много берут, а служащим даже малостью попользоваться не дают. Теперь билеты процентные или акции... Очень многие служащие могли бы извернуться, купить каких-нибудь плохоньких, низко стоящих бумажек и заложить повыгоднее, а они ничему этому не внимают. Дают они попользоваться и своему зятю, двум племянникам, старшему кассиру, бухгалтеру, а уж больше никому... А ведь у нас служащих-то в правлении шестьдесят человек кроме артельщиков. Вот господин управляющий и боится, что кто-нибудь из этих служащих придет в директорскую да и начнет: так, мол, и так, господин директор, дозвоьте и нам... Ведь у нас директора в банке ничего не знают-с и ничего не понимают-с... Дела делает управляющий, а они только подписывают. Они только для украшения... Они, так сказать, извините за выражение, все равно что кот в лабазе. Придут, посидят и уйдут.

– И Лавр Петрович, стало быть, у вас в банке – все равно что кот в лабазе? – спросила Матильда Николаевна.

– Нет, они-то еще не так... Они все-таки иногда занимаются, а то у нас есть такие, которые только приезжают для того, чтоб рассказать друг другу, какая новая французская мамзель в Петербурге проявилась, где хорошие устрицы продаются, кто какое пари на бегу выиграл, – вот и все. Приедут с завтрака из фруктовой лавки, поговорят и поедут обедать к Борелю в ресторан.

– Кот в лабазе... Директора в банке для украшения, все равно что кот в лабазе... Прелестное сравнение... – улыбалась Матильда Николаевна. – Да вы большой остряк, Стукин. Я и не подозревала за вами такой прыти.

– Хе-хе-хе... – захихикал Стукин, спохватился и прибавил: – Только уж вы, пожалуйста, Матильда Николаевна, не рассказывайте об этом Лавру Петровичу, что я их котом в лабазе назвал, а то они обидятся и мне может выйти неприятность.

Матильда Николаевна как бы встрепелась.

– Не рассказывать? Ну хорошо, хорошо... – заговорила она. – Только, мосье Стукин, услуга за услугу. Я не скажу Лавру Петровичу, что вы его назвали котом в лабазе, а вы, в свою очередь, не рассказывайте ему, что вы встретились у меня с этим мальчиком, с юнкером. Я не боюсь Лавра Петровича, он даже, кажется, знает, что у меня есть родственник-юнкер, но, знаете, он старик, а старики все ревнивы. Он и верит мне, а все-таки ревнует. Так даете мне слово молчать?

– Помилуйте, да разве я смею разглашать? С какой стати? – отвечал Стукин.

– Ну вот... Не болтайте... Вообще не болтайте... Что видите – молчок... И тогда мы будем жить с вами в мире и согласии. Ну, чем вас прикажете потчевать?

– Ничем-с. Мне уж довольно одной вашей ласки и вашего упоительного взгляда, – проговорил Стукин.

– Как? Как вы сказали?! – оживленно вскрикнула Матильда Николаевна.

– Ласки и упоительного взгляда. – Стукин повторил и сконфузился.

– Bravo, bravo... Да вы совсем галантный кавалер, умеете комплименты говорить.

– Отчего же мне и не говорить комплименты? Ведь я, Матильда Николаевна, тоже человек, ведь я тоже чувствую и мне очень приятно, когда я пред такой прекрасной и красивой дамой тет-а-тет. Это только управляющий да Лавр Петрович меня за человека не считают.

– Вы мне нравитесь, мосье Стукин, право, нравитесь, – сказала Матильда Николаевна. – Выпейте что-нибудь. Ну, хотите вина? Хотите мадеры? Ах да... Обедали ли вы? Я хотя уже и пообедала, но у нас всего осталось. Я велю вам накрыть на стол.

– Пообедал-с... Благодарю покорно... Сегодня я даже в трактире за семьдесят пять копеек пообедал, а не дома. Вот разве винца рюмочку...

– Даша! Дай сюда бутылку мадеры! – крикнула горничной Матильда Николаевна. – Отчего же это вы сегодня обедали в трактире, а не дома?

– Жалованье получил-с, и уж с прибавкой: вместо сорока рублей шестьдесят.

– В месяц?

– Конечно же, не в день.

– Ах, как вы мало получаете! Бедный, бедный...

– Что ж вы поделаете? Лавр Петрович только впереди горы золотые сулят, а пока еще ничего я от них не вижу. Дали семьдесят рублей на новую парочку платья, а просил на шубу – отказали. Шубенка у меня очень плохонькая. Придется с вами куда пройтись, так даже срам... Вы в эдаком прелестном наряде, а я...

– Куда пройтись?

– Да ежели бракосочетание-то с вами, как желают Лавр Петрович...

– Ах да... Так вы на мне хотите жениться?

– Ежели я вам не противен, то мне даже очень приятно и я за честь считаю...

– Нет, вы мне даже нравитесь... Вы добрый... Но будем говорить прямо... Ежели вы на мне женитесь, то я вам наперед говорю: я вам не позволю себя ни в чем стеснять...

– Помилуйте, да разве я смею?..

– Ну, то-то же... Смотрите, ни в чем, ни в чем... Что бы я ни делала – вы должны молчать. Вы будете иметь у меня комнату, которую Лавр Петрович вам омеблирует по вашему вкусу, вы будете пользоваться столом, прислугой, но уж мешать мне не извольте. Я вам мешать не буду, и вы мне не мешайте. Чего вы смеетесь? Так теперь очень многие делают, даже в высшем кругу делают. Вы будете у себя на половине, а я у себя... За столом мы будем сходиться вместе. Вы отправитесь в одно место, куда вам надо, а я – в другое... И тогда мы будем жить в согласии. Я вам буду даже изредка давать денег...

– Лавр Петрович обещались положить мне тысячу восемьсот рублей в год жалованья от банка, когда я женюсь, – отвечал Стукин. – Теперь-то только они на посуле, как на стуле. Сулят, а на шубу не могут дать.

– На шубу вы получите. Я скажу ему.

– Матильда Николаевна, сделайте такое одолжение... Ей-богу, шуба у меня срамная.

Стукин встал и поклонился.

– Все будет. Пейте же вино... Пейте и делайте мне формальное предложение руки и сердца, – сказала Матильда Николаевна. – Ну-с...

Стукин выпил рюмку и сказал, приложив руку к сердцу:

– Матильда Николаевна, осчастливьте...

– Хорошо. Я согласна... Ну, целуйте руку... Ах да... После свадьбы вы должны мне выдать отдельный вид на жительство.

– Зачем же отдельный вид, если мы будем жить вместе?

– Ах, боже мой! Ну а вдруг мне вздумается съездить за границу... Не возражайте, не возражайте, это так надо, а потому лучше вперед условиться.

Стукин молчал.

– Ну-с, а теперь отправляйтесь домой. Мне пора одеваться в театр, – сказала Матильда Николаевна. – Да про юнкера Лавру Петровичу ни гугу...

– Гроб, могила... Прощайте, Матильда Николаевна. – Стукин начал уходить и замялся. – Не можете ли вы, Матильда Николаевна, от себя дать сто рублей на шубу? А когда я получу от Лавра Петровича, то я вам возвращу с благодарностью.

– Сто рублей? Пожалуй. Только вы насчет юнкера-то молчок...

Она отправилась в будуар и вынесла Стукину сто рублей. Тот раскланялся, поцеловал еще раз у ней руку и удалился.

Глава VIII

Туз, король и двойка

Заседание совета директоров «Общества дешевого торгового кредита» было назначено в два часа дня, директор Лавр Петрович Хрустальников явился в половине третьего часа и был первым. Остальные директора еще не приезжали.

– Сейчас с завтрака из Милютиных лавок, – сказал Хрустальников управляющему. – Генерал Безмятежнов угощал. Вы знаете генерала Безмятежнова? Седой такой, с щетинистыми волосами. Голова белая, а усы покрашены. Он теперь в отставке... Вышел в отставку и открывает мыловаренный завод, и просит у нас ссуду под векселя. Хочет учесть. Векселишки, правда, дрянненькие, но дать надо. Нельзя... Хороший человек... Тем более что и сумма-то небольшая – всего двадцать восемь тысяч. Каким, батюшка, он нас рейнвейном угостил – ах, черт возьми! В рюмки налили – аромат по всей комнате и пошел. Рейнвейн и сигары были хороши. Восторг что такое! Вы знаете, я сам курю дорогие сигары, но это что-то особенное. Спрашиваю его, где он купил, – не говорит. «Это, – говорит, – мой секрет». Лафит был недурен, но лафит я не особенно люблю. Кстати, отчего вы вчера не были в балете, Иван Алексеич?.. Послушайте, ведь это грешно... Первое представление балета – и вас нет. А как эта крошечка Чмигулина отличилась, так просто прелесть! Знаете, такая черненькая букашка-таракашка, на котенка смахивает? Так вот она. Вчера ей в первый раз ответственное па дали... И я вам скажу: это талант... Это большой талант! Со временем это будет звезда большой величины. В самом деле, отчего вы вчера не были в балете? Ведь это варварство!

– Вчера у меня играли в карты. На двух столах винтили, – отвечал управляющий.

– Винт... Что такое винт? Винт можно бы и до другого раза отложить. Нет, это безбожно! А нам так нужны были руки для этой... Ведь какая хорошенькая-то! Свеженькая, бутончик... Мы согласились ее поддержать. Грех вам, грех... – Хрустальников икнул. – Вот это у меня непременно с омара, – прибавил он. – Не могу я омаров есть. Иван Алексеич... не в службу, а в дружбу... велите, голубчик, артельщику подать мне бутылку содовой воды в директорскую.

– Сейчас я распоряжусь.

– Там еще никого нет? – кивнул Хрустальников на директорскую.

– Никого.

– Странно. А я так торопился. Ну да все равно... Вот что, милейший... Я посижу там, в директорской, полчаса, и если никто не соберется, то я уеду. Пусть без меня решают... Мне хочется сделать визит этой крошке! Ведь какая девочка-то! Теперь в ход пойдет. Вчера князь Лопушников ей корзинку цветов... Глазки как угольки... Меня ей представила Марья Николаевна. Она была как-то у Марьи Николаевны... и я там был... Ах да... А ежели пойдет речь о генерале Безмятежнове... он тут подал заявление... то вы скажите всем, что я прошу за него, очень прошу. Ну что там такое! Пустяки... Двадцать восемь тысяч. Так содовой-то водицы, пожалуйста...

Хрустальников направился в директорскую, находящуюся за кабинетом управляющего, а управляющий вышел в помещение конторы. Там он нос с носом столкнулся с конторщиком Стукиным.

– Вы куда? – спросил управляющий Стукина.

– К Лавру Петровичу.

– Нельзя. Он теперь занят важными делами.

– Но ведь и у меня, Иван Алексеевич, важные дела.

Управляющий поднял голову, нахмурился и сказал:

– Вы, кажется, начинаете мудрить. Идите лучше заниматься.

– Помилуйте, Иван Алексеевич, какая же тут мудрость? У меня с Лавром Петровичем дела серьезные. Я насчет того дела покончил с Матильдой Николаевной, они согласны выйти за меня замуж, и вот теперь хочу объявить об этом Лавру Петровичу...

– После, после вы ему об этом объявите.

– Нет, я после об этом не могу-с.

– Послушайте, Стукин! Что за тон! Вы забываете, что вы разговариваете с управляющим.

– Для меня директорские дела важнее... Ежели я что им обещал...

– Идите, говорят вам, к вашей конторке! – возвысил голос управляющий.

Стукин поднял голову и приосанился.

– Нет-с, не пойду, – отвечал он. – Ежели теперь нельзя видеть Лавра Петровича, то я останусь здесь караулить его выхода. Укараулю и передам ему, что вы меня к нему не допускаете.

Управляющий нахмурился.

– Какой вы дерзкий, однако... Ну хорошо, я вам припомню! – произнес он, сдаваясь, и прибавил: – Погодите, я сейчас доложу об вас Лавру Петровичу. – Он отправился в директорскую, вернулся оттуда и сказал:

– Ступайте.

Стукин вошел в директорскую. У большого стола, покрытого пунцовым сукном, сидел, расстегнувши жилет, Хрустальников.

– А! Стукин! – воскликнул он. – Ну, что скажешь хорошенького?

– Много хорошенького, Лавр Петрович... Был у Матильды Николаевны с визитом. Они вам кланяются. Вчера я был. Очень они скучали, что вы у них два дня не изволили быть. Ах, Лавр Петрович, как они вас любят! Боже мой, как любят! Вчера только и разговоров, что об вас: «Где-то теперь Лавр Петрович? Что-то он теперь делает?»...

– Ну, ты бобы-то не разводи, а говори толком, – перебил его Хрустальников.

– Я и то толком-с. Вы не верите? А я вам наисущую... Они вас, Лавр Петрович, ревнуют, а это значит, что очень любят.

– Ну, однако, что же ты у ней делал?

– Во-первых, вручил им коробку конфет. Это я, Лавр Петрович, от себя. Потом выпил рюмку мадеры. Они меня угощали. Выпил рюмку мадеры и сделал им предложение руки и сердца. Они, Лавр Петрович, дали свое согласие, и я уже теперь жених.

– Поздравляю, поздравляю. Очень рад.

– Жених-с... Теперь, Лавр Петрович, мне нужно к ним почаще являться, – продолжал Стукин. – Надо уговориться. Судите сами, женитьба – вещь важная. Они дама прекрасная, и мне очень нравятся, но все-таки я должен к ним привыкнуть, и они ко мне тоже. Фрак нужно шить, Лавр Петрович. Нужно шить фрак, а деньжонок нет.

– Ну, на фрак я тебе дам... Шей...

– Ежели уж будет милость, Лавр Петрович, то дайте сейчас... Пораньше заказать, так лучше. Да и бельишка надо купить, Лавр Петрович... А то, судите сами, эдакая изнеженная дама Матильда Николаевна, сами они в батистовых сорочках ходят, а у меня белье в дырках. Не под пару я им буду.

– А почему ты знаешь, что у ней батистовые сорочки? – вскинул на него глаза Хрустальников. – Где ты их видел?

– Я не видал-с, но так полагаю... Потому эдакая дама – и все... – опешил Стукин. – Только вы, Лавр Петрович, бога ради, не подумайте что-нибудь... А уж как они вас любят! Боже милостивый! Законная жена так не любит мужа, как они вас.

– Ну, довольно, довольно... Ты там у ней никого не видал постороннего?

– Никого не видал. Видит бог, никого... – поспешно заговорил Стукин. – Посидели они со мной и начали в театр собираться.

Хрустальников вынул из кармана бумажник.

– Сто рублей тебе на фрак довольно? – спросил он.

– Прибавьте, Лавр Петрович, еще сотенку... Тут уж будет и на фрак, и на белье... Сапоги надо новые, галстук, шляпу...

– Да ведь ты жалованье получаешь.

– Велико ли жалованье, Лавр Петрович... Шестьдесят рублей в месяц. Вот и насчет жалованья, Лавр Петрович... Нельзя ли прибавить?

– Да ведь ты числишься у меня секретарем домашним и будешь еще за это получать из правления сорок рублей.

– Нельзя ли уж и эти деньги сейчас же получить, Лавр Петрович... Я вперед прошу. Вы мне их выдадите от себя, а сами из кассы получите.

– Так ты просишь двести сорок рублей? Это, брат, много.

– Ничего не много, Лавр Петрович... Ведь дело-то очень обширное. Шутка сказать – жениться на такой даме. Я человек маленький... Мне теперь к ним почаще ходить надо. Надо ходить женихом... А ходить женихом разве можно без подарков? Надо и коробку конфет снести, иногда вместо конфет – груш... иногда винограду...

Хрустальников вынул из кармана двести сорок рублей и подал их Стукину.

– Много вам благодарен, Лавр Петрович... – проговорил Стукин. – Ничего больше не прикажете, Лавр Петрович? – спросил он.

– Ничего. Можешь идти.

– Я, Лавр Петрович, думаю и сегодня зайти к Матильде Николаевне.

– Нет, сегодня не заходи. Сегодня я у ней буду и хочу быть один.

– Хорошо-с, Лавр Петрович, как угодно. Действительно, вам нужно побывать у них и утешить их, потому они вас так любят, так, что даже обожают. Доброго здоровья, Лавр Петрович, – поклонился директору Стукин и, пряча деньги в карман, вышел из директорской. Выходя оттуда, он встретил управляющего и с важностью сказал ему: – Вот видите, как меня Лавр Петрович принимают. Они что угодно для меня готовы сделать, а вы меня к ним не допускаете.

Глава IX

Пользуется случаем

В конторе правления «Общества дешевого торгового кредита» конторщики так и звякали на счетах. В приемных комнатах около касс, окон приемщиков и контролеров стояла публика. Работа была в полном разгаре, был двенадцатый час дня, конторщики до завтрака работали в охотку. Звякал на счетах, подводя итог какой-то ведомости, и конторщик Игнатий Кирилыч Стукин, но то и дело сбивался. Наконец он взглянул на стенные часы и проговорил:

– Теперь пора.

Он отодвинул от себя ведомость и счета, достал с полки большую книгу, раскрыл ее, положил на свою конторку, не заметив того, что кладет кверху ногами, и, засунув перо за ухо, направился к кабинету управляющего конторою правления. У дверей дежурил артельщик.

– Доложите-ка, Петр Михайлов, управляющему, что я хочу его видеть... – сказал Стукин артельщику.

Артельщик отправился. В полуотворенную дверь кабинета Стукин услышал голос управляющего:

– Стукин? Что ему, этому Стукину? Лезут с пустяками... Скажи ему, что я теперь занят. Пусть потом когда-нибудь... – звучал он недовольным тоном.

– Заняты теперь... Сказали, что потом... – отвечал Стукину артельщик.

– Чем он занят?

– Да чай с бутербродами кушают... Газеты просматривают.

Стукин возвратился к своей конторке и закурил папиросу, поправил книгу, попробовал было еще подсчитать ведомость, но опять сбился и оставил. Через полчаса он опять стоял около дверей кабинета управляющего.

– Доложите, Петр Михайлов... – обратился он снова к артельщику.

– Не смею, Игнатий Кирилыч... Они сердятся.

– Странное дело... Да ежели мне нужно? Вы скажите, что по нужнейшему делу.

Артельщик вошел еще раз для доклада.

– Опять! Ах, боже мой! Ведь я сказал, что потом... Скажи ему, чтобы он шел на свое место и занимался делом, – послышался голос управляющего.

Стукин не вытерпел и вошел в кабинет.

– Да ежели я по очень нужному делу, Иван Алексеевич... – проговорил он.

– Как вы смеете входить без позволения? Идите вон! Я занят! – вскинулся на него управляющий. – Ведь это нахальство!

– Да ведь я только пять минут...

– И одной минуты не желаю с вами теперь разговаривать... После, после...

– Ну, тогда я сейчас поеду к директору Лавру Петровичу Хрустальникову и ему передам свою просьбу. Хоть мне и жалко их утруждать пустяками, но что же делать, коли вы не хотите меня выслушать. Я так ему и скажу.

Слова эти подействовали. Управляющий сдался.

– Черт знает, что у вас за капризы! Сейчас уж и к директору... – с неудовольствием проговорил он. – Что у вас там такое? Чего вы хотите?

– Як вам, Иван Алексеевич, с просьбой-с, – начал Стукин. – Так как вам небезызвестно, что Лавр Петрович меня женят на своей даме, на Матильде Николаевне, то мне нужны деньги-с... Сами знаете, без денег жениться нельзя. Я поизносился... Надо костюмчик какой-нибудь хорошенький сделать, бельишко и прочее... Матильда Николаевна – дама в такой роскоши, франтят в шелковых платьях, так нужно, чтоб и я им был под перо. Лавр Петрович от своего

усердия дали мне на фрак из своего кармана, но не могу же я каждый день во фраке... Я у Матильды Николаевны бываю запросто...

– Но при чем же я-то тут? Я-то тут при чем? – перебил его управляющий.

– Вы – при том, чтобы денег мне дать... Не могу же я...

– Откуда мне вам взять денег? Из своего кармана, что ли?

– Зачем из своего кармана? Из кассы... Взять и написать записку в кассу... Вот и все.

Ведь я свои прошу, но только вперед, в счет жалованья.

– Сколько вам надо?

– Да я бы, Иван Алексеевич, попросил за год вперед. Годовой оклад.

– Что такое? – переспросил управляющий, растягивая слова и выпрямляясь на стуле.

– Годовой оклад, Иван Алексеевич, а потом по частям в два года и вычитать. Ведь Лавр Петрович обещали мне сто рублей с того дня, когда я женюсь, а теперь я получаю шестьдесят. Стало быть, из ста рублей по тридцати рублей в течение двадцати четырех месяцев.

Управляющий фыркнул.

– Да вы, мой милейший, совсем с ума сошли! – проговорил он. – Разве это можно – годовые оклады брать! Я думал, рублей сто...

– Со ста рублями мне и обернуться нечем.

– Идите на место и занимайтесь вашим делом. Вы бредите. У нас и примеров таких не было, чтобы годовые оклады выдавать. Мы и полугодовых никогда не выдавали.

– Что вы, Иван Алексеевич, помилуйте! Как не было примеров?.. А вашему племяннику Коробкину вы выдали же полугодовой оклад.

– Не может быть.

– Как не может быть? Я вам в книгах покажу... Или что он ваш племянник, так ему можно, а мне нельзя, потому что я с вами в родстве не нахожусь?

– Алексею Коробкину был выдан вперед полугодовой оклад, принимая во внимание его болезненное состояние, для поездки за границу, на лечение.

– Как на лечение? Как за границу? Да они все лето в Парголово по озеру на парусной лодке катались.

Управляющий стал кусать себе губы и отвернулся.

– Трафаретов Семен Васильевич получил годовой оклад жалованья вперед. Это мне тоже известно, – продолжал Стукин.

– Трафаретов... – обернулся к нему управляющий. – Как вы можете сравнивать себя с Трафаретовым! Трафаретов – бухгалтер, а вы простой конторщик... Трафаретов – особа у нас в правлении, без Трафаретова мы ступить не можем... Главное лицо в конторе – и вы...

Стукин улыбнулся.

– Что ж, Иван Алексеевич, и я теперь лицо... – отвечал он.

– Чем это? Уж не тем ли, что женитесь на содержанке Хрустальникова? Человек женится на женщине с двусмысленным поведением и говорит, что он лицо!.. – воскликнул управляющий.

– Как с двусмысленным поведением? Кто это вам сказал? Я спрошу Лавра Петровича...

Управляющий замялся.

– Ну, не с двусмысленным поведением, так все-таки на содержанке...

– И это неправда-с. Вовсе они даже и не содержанка. Они воспитанница Лавра Петровича – вот и все... Он им благодетельствует. С ними грех маленький случился. Лавр Петрович хотят прикрыть этот грех. А двусмысленного поведения у них никакого нет. Впрочем, может быть, я не заметил, так я спрошу у Лавра Петровича, о каком таком двусмысленном поведении Матильды Николаевны вы изволите говорить. Вот, мол, так и так...

– Да что вы придрались к слову! – Управляющий покраснел.

– Нет, уж все лучше спросить у Лавра Петровича... Помилуйте, ведь мне с Матильдой Николаевной век жить, – продолжал Стукин. – Так и спрошу... Иван Алексеевич, мол, упомянул мне о каком-то двусмысленном поведении Матильды Николаевны.

– Послушайте! Ведь это, наконец, подлость! – вспыхнул управляющий и вскочил с места.

– Чем же подлость-то?

– Как чем? Мало ли, что говорят за глаза, а вы хотите передавать.

– Не за глаза, Иван Алексеевич, а в глаза... Вы мне, жениху, в глаза это сказали. Должен же я...

– Ну, довольно, довольно... Вы этого не посмеете сделать, – перебил Стукина управляющий.

– Да отчего же не посметь-то, Иван Алексеевич?

– Оттого, что вы не дурак... Оттого... оттого... Оттого, что вы понимаете, что служащий не должен ссориться с управляющим.

Стукин захихикал.

– Да я, Иван Алексеевич, и не хочу ссориться, да вы-то вот...

– Что я? Что я вам такое сделал?

– Да как же-с... жениху – и вдруг про невесту прямо в глаза такие слова: двусмысленного поведения!

– Полноте, полноте...

– И наконец, помимо того, что Матильда Николаевна – моя невеста, она дама нашего директора и даже вашего начальника.

– Будет вам, говорят вам... Бросьте...

– Я брошу, а только уж и вы меня... Так как же, Иван Алексеевич, насчет годового оклада?

– Да ведь вы несообразно просите. Уж ежели бы полугодовой...

Стукин вздохнул.

– Ну давайте уж хоть полугодовой, – махнул он рукой. – Ведь и годовой-то – всего только семьсот двадцать рублей... Ну, я согласен на полугодовой. Потрудитесь написать господину кассиру записку.

Управляющий нахмурил лоб и брови, сел к столу и написал.

– Смотрите только, насчет моих слов о Матильде Николаевне Лавру Петровичу ни слова... – погрозил он и подал Стукину записку.

– Будьте покойны, Иван Алексеевич. Это я только пошутил. Благодарю вас, Иван Алексеевич...

Стукин поклонился и вышел из кабинета. Управляющий посмотрел ему вслед, покачал головой и проговорил:

– Или он дурак набитый, или самая тонкая бестия... Ох уж эти мне директорские крестники! Беда с ними.

Глава X

Опять у невесты

Стукин звонился у дверей квартиры Матильды Николаевны. Как и всегда, за дверями залаяли собачонки. Горничная отворила дверь и смешалась.

– Матильды Николаевны дома нет, – проговорила она.

– Дома нет? Как же, душечка, мне швейцар сейчас сказал, что она дома, – недоумевал Стукин. – Вы, верно, меня не узнали? Я Стукин, жених Матильды Николаевны. Для других, может быть, ее и дома нет, а для меня она дома. Не узнали меня?

– Нет, узнала-с... А только дома нет... Ни для кого дома нет.

– Странно... А как же я вот слышу голос самой Матильды Николаевны?

Из комнаты действительно доносился голос хозяйки.

– Слышите... Вот их голос... – сказал Стукин.

– Это не их голос-с.

– Как не их? Их. Может быть, душечка, у них гость сидит, так Матильда Николаевна ничего... Они и при гостях меня принимают. Я не Лавр Петрович Хрустальников. Им меня стесняться нечего. Подите и доложите, что, мол, «господин Стукин пришли, желают вас видеть».

– Никакого у нас гостя нет.

– А чья же это шуба-то? Вот шуба на вешалке висит, – указал Стукин.

Горничная не знала, что делать. Двери в гостиную были притворены. За ними слышались шаги.

– Матильда Николаевна! Это вы? Можно мне к вам? – крикнул из прихожей Стукин.

Дверь приотворилась несколько. Показалась голова Матильды Николаевны.

– Ах, это вы? – послышался ее голос. – Ля думала... Послушайте... Ведь вам говорят же, что меня дома нет.

– Я, Матильда Николаевна, только на минуточку. Меня Лавр Петрович послали передать вам поклон.

– Да разве Лавр Петрович не на охоте? Ведь он на охоту уехал.

– Нет, не уехали-с. У них поясница разболелась. Можно мне к вам?

– Пожалуй, войдите, если вы ненадолго.

– Я ненадолго... Я вам не помешаю.

Стукин сбросил с себя шубенку на стул и вошел в гостиную. Матильда Николаевна встретила его, надувши губы.

– Я ведь просила вас приходите только после шести часов, – сказала она, – а теперь еще и пяти нет. Теперь мне некогда. Я занята.

– Знаю, что у вас гость, но я на минуточку.

– Гость? А вы почему знаете, что у меня гость?

– А шуба-то в прихожей. Здравствуйтесь... Позвольте ручку поцеловать.

Матильда Николаевна скорчила недовольную гримасу, однако отвечала:

– Здравствуйтесь, – и протянула руку.

– Лавр Петрович вам кланяются и приказали вам сказать, чтобы вы сегодня вечером никуда не уезжали, – продолжал Стукин. – Они приедут к вам посидеть вечером.

Гримаса сделалась еще больше. Матильда Николаевна терла себе лоб и задумалась.

– Он приедет... А я хотела в оперу. Ложу взяла... – проговорила она.

– Не знаю уж. А только сказали.

– Посидите здесь, мосье Стукин, а я сейчас...

Она вышла из гостиной в другую комнату. Там послышался мужской голос. Через минуту Матильда Николаевна вышла оттуда в сопровождении молодого гладко бритого человека, очень элегантно одетого. Тот легким кивком ответил на поклон Стукина и, обращаясь к хозяйке, сказал:

– Ну-с, прощайте...

– Даша! Заприте за Михайлом Гавриловичем! – крикнула Матильда Николаевна горничной.

– Актер Бабковский, кажется? – спросил про молодого человека Стукин, когда тот скрылся в прихожей.

– Да, он... А вы почему его знаете?

– Кто же их не знает-с? Видел. Их все знают. Сердцеед известный.

– Ну?.. А я не замечаю. Я знаю только, что он добрый мальчик и что с ним приятно проводить время. Он мне стихи читает, поет куплеты... Веселый... Только вы, пожалуйста, не болтайте Лавру Петровичу, что вы у меня его видели.

– Зачем же болтать-с? Я все это понимаю и чувствую, – отвечал Стукин.

– Я не боюсь Лавра Петровича, но, знаете, ведь из мухи слона можно сделать. А Лавр Петрович так ревнив... Могу вас заверить, что тут ничего нет такого... Решительно ничего. Бабковский ходит меня учить стихи читать. Вы знаете, ведь я готовлюсь в актрисы... Вот он меня и приготавливает.

– Не слышал-с.

– Да, готовлюсь... Однако меня это ужасно удивляет, что Лавр Петрович не уехал на охоту. Вы его сегодня видели?

– Сегодня-с... Об вас был разговор, – прихвастнул Стукин. – Лавр Петрович расспрашивали меня, как я был у вас в гостях, кого видел.

– Ну и что же вы?..

– Про юнкера не сказал ни слова-с. Ни слова не сказал, что его у вас видел. А Лавр Петрович даже намекали. «Не видал ли ты, – говорит, – у нее молодых мужчин?»

Стукин врал.

– Ну и вы, разумеется, сказали, что никого не видали? – спросила Матильда Николаевна.

– Само собой. А только я вам скажу, Матильда Николаевна, они очень подозрительный человек. Это то есть Лавр Петрович... Только вы, пожалуйста, ему не говорите, что я об нем так выражаюсь.

– Вы-то вот об актере Бабковском ему ничего не говорите, а уж я не скажу. Ну, что ваша шуба? Шьется? – переменяла Матильда Николаевна разговор.

Стукин вздохнул.

– Вообразите, тех ста рублей, что я у вас взял, не хватает. На мех и на покрывало хватило, а на воротник не хватает. Матильда Николаевна, не одолжите ли вы мне займы еще сто рублей?.. Пятьдесят рублей я употребил бы на воротник, а пятьдесят рублей к меху бы прибавил. Тогда уж шуба выйдет совсем хорошая...

Матильда Николаевна замаялась.

– Вот видите... я теперь не при деньгах, – сказала она.

– Неужели? Как же это можно, чтобы дама при таком богатом человеке, как Лавр Петрович, и вдруг не при деньгах? Ведь я, Матильда Николаевна, займы прошу. Я отдам-с. И первые сто рублей отдам, и эти. Как только с Лавра Петровича получу в день свадьбы условленные тысячу рублей, так сейчас же вам и отдам.

– Делать нечего... Возьмите... – отвечала она со вздохом, отправилась к себе в будуарчик и вынесла сто рублей, прибавив: – Только вы об актере-то уж, пожалуйста, Лавру Петровичу ни слова...

– Матильда Николаевна! Да неужели я бесчувственный человек? Неужели я не понимаю? – воскликнул Стукин и прибавил: – Так ждите сегодня Лавра Петровича.

– Вы что же?.. Вы его у меня поджидать будете?

– Если позволите... Они хотя ничего не сказали, что я должен до них у вас оставаться, но ежели они приедут и скажут, чтобы я ушел, то я уйду от вас... Я вам, Матильда Николаевна, не помешаю.

– Ну что ж... Оставайтесь. Вот мы обедать будем. – Она взглянула на него и прибавила со вздохом: – Ах, и если бы вы хоть сколько-нибудь были позабавнее! Я вам прямо скажу: ведь с вами скучно. Вы женщин не умеете занимать.

– Дела не веселят, Матильда Николаевна, оттого это происходит, – отвечал Стукин. – Бедность... Жалованье маленькое получаю. Ежели бы мне поопериться немного, я совсем другим человеком стал бы. Вот вы попросили бы Лавра Петровича, чтобы он меня до свадьбы как-нибудь по оперил бы...

– Да ведь он вам обещал тысячу восемьсот рублей жалованья.

– Все это еще улита уедет, да когда-то приедет, а мне бы теперь хотелось. Мне бы хотелось теперь командировку от правления получить. Пускай они меня пошлют в два-три провинциальных отделения с каким-нибудь поручением. Ну, хоть для рассмотрения вексельных портфельей, что ли. У нас есть такие служащие. Они называются «служащие с отчетом». Они командированы в провинциальные отделения, получают кроме жалованья суточные, разъездные по первому классу, чтоб в первом классе ездить... Кроме того, могут брать в отделениях суммы и на другие нужды, с тем чтобы, разумеется, потом представить отчет в этих суммах. Так вот, Матильда Николаевна, попросили бы вы у Лавра Петровича для меня такую командировку.

Матильда Николаевна улыбнулась.

– У вас, как посмотрю я, губа-то не дура... – проговорила она.

– Эх, Матильда Николаевна! А у кого она дура-то? – спросил Стукин и прибавил: – Вот на эдаком месте мне ежели бы и месяц пробыть, то и к свадьбе поотдышаться можно. Похлопочите-ка.

– Пожалуй, я его попрошу. Только ведь он меня не послушает.

– А вы поприналягте хорошенько. Ведь обоим нам хорошо будет: и мне, и вам. Ведь после свадьбы-то, Матильда Николаевна, все-таки мне и вам жить вместе придется. Есть у меня деньги – я тогда совсем другой фасон буду иметь... А буду иметь другой фасон, тогда и вам будет приятнее... Из-за этого стоит вам похлопотать за меня и поналечь на Лавра Петровича.

– Вы на сколько же времени в командировку уехать желаете? – спросила она.

– Да на сколько вы прикажете. Хоть до самой свадьбы.

– Хорошо. Вы, стало быть, и после свадьбы хотите по командировкам ездить?

– Да отчего же-с? И вам-то приятнее, чтоб я перед вашими глазами не очень мотался. А впрочем, как вам угодно. Мне только бы на место служащего с отчетом попасть, а там...

– Нет, я не прочь, чтобы вы и после свадьбы ездили в командировки. Я буду за вас просить Лавра Петровича, непременно буду.

– Вот и мерси... Ручку-с... Позвольте еще раз ручку поцеловать. – Стукин так и прилип к руке Матильды Николаевны. – Добрая вы моя, добренькая, ангел Божий... – твердил он. – Вот как в такую командировку я съезжу, то не только двести рублей долгу вам сейчас возвращу, но и подарочек хорошенький вам привезу.

– Кушать подано, – доложила горничная.

– Пойдемте обедать, – сказала Матильда Николаевна.

Они отправились в столовую.

Глава XI

Сам приехал

Раздался звонок. Залаяли собачонки. В будуарчик Матильды Николаевны вошел Лавр Петрович Хрустальников, взял хозяйку за голову и вплепил ей в щеку сочный поцелуй.

– Ба! Стукин! Какими судьбами? – воскликнул он, увидав сидевшего Стукина.

– Сами же, Лавр Петрович, вы изволили сюда меня послать.

– Ах да... забыл. А я сейчас от Бореля... Обедали там в маленькой компании. Пили много... Вино хорошее... Но скучно... Кислота...

– Хоть бы и не говорили, что пили много, так и то видно, – отвечала Матильда Николаевна.

– Ну так что ж из этого? Жизнь наша так коротка... – бормотал Хрустальников.

– Ну а мне хочется, чтоб она была подлиннее, поэтому вам надо беречься и поменьше пить. Поясница болит, из-за этого не поехали на охоту, а сами кутите.

– Ну что ж, умру – похоронят.

– Как это хорошо! Духовного завещания не составили, меня не обеспечили, а сами умирать собираетесь. Кроме того, вы забываете, что есть еще третье существо... Это третье существо хотя еще не родившееся, но об нем нужно больше, чем о ком-нибудь, подумать.

– Обеспечим, обеспечим... Молчи только. Вели, пожалуйста, Матильдочка, подать зельтерской воды... Мне что-то не того... На желудке как-то... Да кстати уж и коньяку... Коньяк со мной чудеса делает.

– Даша! Дайте зельтерской воды и коньяку... – приказала хозяйка горничной и, обратясь к Хрустальникову, прибавила: – Мне странно, что вы взяли себе за правило приезжать ко мне пьяным и продолжать у меня пьянствовать...

– Пьяным... Пьянствовать! Какие выражения!.. Где же я пьян...

– Пожалуйста, не оправдывайтесь. Ну что мне за приятность – видеть вас всегда в таком виде! Только нервы раздражаете. Незачем было и приезжать, если так. Присылаете сказать, что приедете провести вечер... Я собиралась в оперу... осталась для вас дома!.. И вот вы приехали проводить вечер с графином коньяку...

Матильда Николаевна надула губки и отвернулась.

– Те-те-те... Смотри, как раскудахталась... Ах ты, моя курочка!.. – проговорил Хрустальников, покачнулся слегка на ногах, подошел к Матильде Николаевне и хотел пощекотать по шейке, но она ударила его по руке.

– Не желаю я с пьяными!..

– О, как ты во гневе прекрасна! Боже, как ты прекрасна!

– А я у Матильды Николаевны обедал, – начал Стукин, чтобы переменить разговор.

– Ты? Ах ты, рожа! Да как же ты смел? – шутливо спросил Хрустальников.

– Сами Матильда Николаевна меня пригласили.

– Будто? Удивляюсь... Ну а как же нос-то? Ведь у тебя нос утюгом, глаза как у рака, вихор как у клоуна в цирке.

– Оставьте, оставьте... Игнатий Кирилыч в сто раз вас приличнее, – перебила Хрустальникова Матильда Николаевна.

– Каково! Ну, брат Стукин... Теперь я начинаю тебя ревновать...

– Хи-хи... Что это вы, Лавр Петрович, говорите... – захихикал Стукин.

– Нет, в самом деле... Ведь иногда понравится и сатана лучше ясного сокола. Положительно, синьор Стукин, я тебя ревную к Матильде...

– Успокойтесь, Лавр Петрович... Да разве я посмею?..

– Ну, выдь в другую комнату... Мне нужно с Матильдой поговорить... Иди к горничной Даше и посиди у ней...

– Сидите тут, Стукин... Не надо, – сказала Матильда Николаевна.

Стукин поднялся уже с места и недоумевал.

– Сидите, сидите, – продолжала хозяйка. – Оставайтесь...

– Да ежели Лавр Петрович приказывают?

– Ну сиди... А только теперь уж я тебя положительно начинаю ревновать. О, женщины, женщины! Как у них вкус капризен!

– Лавр Петрович! Хотите, я побожусь? – встрепенулся Стукин.

– Игнатий Кирилыч! Да что это вы, в самом деле... – перебила его Матильда Николаевна. – Он над вами глумится, а вы за настоящую монету принимаете. Послушайте, Лавр Петрович... Вы хоть за глумление ваше должны его обеспечить... – кивнула она на Стукина. – А то человек бьется как рыба об лед...

– Я и обеспечу его, когда он женится.

– Он вот просит перед свадьбой хоть немножко поопериться. Ему хочется в командировку съездить... Пошлите его куда-нибудь...

– Поопериться... Ведь я дал ему денег на две пары платья... Дал на белье.

– Пошлите его в командировку...

– Но как же свадьба-то? Ведь ему жениться надо. Нельзя же это заочно...

– К свадьбе он вернется. Свадьба еще не раньше как через месяц. Подите сюда... Подите... Я вам кое-что сказать хочу... Пардон, мосье Стукин... – Матильда Николаевна взяла за руку Хрустальникова и вывела его в гостиную. – Послушайте, – сказала она ему тихо. – Вы его непременно должны куда-нибудь услатить из Петербурга перед свадьбой. А то он мне ужасно надоел... Ходит через день... Ходит и только нервы мне раздражает. Дайте ему командировку... Мосье Стукин! Вы какого места желали? О чем вы мне давеча говорили? – крикнула она в другую комнату Стукину.

– Места служащего с отчетом... – отвечал тот.

– Ну вот... – шепнула Хрустальникову Матильда Николаевна.

– Друг мой... Да ведь это место инспекторское. Оно сопряжено с окладом в две тысячи четыреста рублей кроме суточных, разъездных по первому классу и прочих разных разностей.

– Оклад вы можете ему оставить тот же самый, а суточными и разъездными пусть он попользуется. Пожалуйста, пошлите в командировку... Он мне ужасно надоел.

– Хорошо, я скажу управляющему.

– Да поскорее.

– Завтра же скажу.

Они вернулись в будуар.

– Получите это место, – сказала Стукину Матильда Николаевна.

Стукин вскочил со стула.

– Лавр Петрович! Да за эти благодеяния я за вас на смерть готов! – воскликнул он.

– Сиди, сиди... Выпей вот лучше рюмку коньяку.

– После такого обещания можно и не рюмку выпить, а целую бутылку!..

– Ну-ну-ну... – остановила хозяйка. – Теперь один пьяный, а уж тогда будут два пьяных.

– Я, Матильда Николаевна, только рюмочку...

Хрустальников и Стукин выпили по рюмке.

– Знаете что, Лавр Петрович... – начала Матильда Николаевна. – Ехали бы вы лучше домой, а я – в оперу... А то у меня билет пропадает. Насилу добыла ложу, и вдруг оставаться... А то оставайтесь здесь и ложитесь спать. Я приеду, вы отдохнете – и вот тогда мы после оперы будем вместе чай пить.

– А Стукин?

– Мосье Стукин отправится домой и проведет вечер в радостных мечтаниях о новом месте.

– Нет, я его от себя не отпущу. Он забавен сегодня, он меня веселит. Послушай, Стукин! Что у тебя за рожа сегодня, так это просто восторг, мне клоуна не надо. Ну спой что-нибудь...

– Я, Лавр Петрович, не пою.

– Послушайте... Уж ежели хотите, то можете и Стукина при себе оставить... Вы ляжете отдохнуть у меня в будуаре, а он может у Даши в комнате на диване отдохнуть, – сказала Матильда Николаевна.

– Нет, уж если ты непременно хочешь в оперу ехать, то я поеду домой, – отвечал Хрустальников. – Поеду домой и его с собой возьму. Пусть он меня позабавит. Он забавный.

– Вы, Лавр Петрович, приезжайте потом часу в одиннадцатом ко мне. Я дома буду.

– Нет, уж я лучше завтра... Лучше завтра буду у тебя обедать.

– Ну, как хотите...

– Пей, Стукин, на дорожку посошок, и поедем...

– Лавр Петрович, вам вредно... – останавливала его хозяйка.

Они выпили. Хрустальников начал прощаться.

– Впрочем, может быть, и приеду к тебе... – начал он опять.

– Только пьяным не приезжайте...

– Я, может быть, приеду на тройке, и мы отправимся за город.

– С трезвым я куда угодно... Ну, идите... Если ехать, то мне пора одеваться.

Они отправились.

Через пять минут они садились в карету.

– К Борелю! – сказал кучеру Хрустальников. – Я тебя, утюг, представлю там кой-кому. Пусть знают, какой такой есть синьор Сукин – нос утюгом, – сказал он Стукину.

Хрустальников отяжелел от вина и начал дремать. Вышла пауза. Ухаб вывел его из дремоты.

– Куда мы едем? – спросил он. – Ах да... к Борелю... Но что мы там будем делать? Нет, Стукин, я лучше представлю тебя одной танцорочке... Прелестное существо! Матильда Николаевна – дама крупная, а это такая субтильная, маленькая, тоненькая... А глазенки... Ах, глазенки! – Хрустальников дернул за звонок к кучеру и открыл переднее окно кареты. – На Московскую! К Битюговой... Оберни и поезжай... – отдал он приказ кучеру. – Знаешь?

– Знаю-с...

Кучер обернул лошадей, и карета помчалась.

– А ты, Стукин, смотри, ни гугу Матильде Николаевне, что мы были у Битюговой. Ни слова, ни полслова... – предупредил его Хрустальников.

– Лавр Петрович! За кого вы меня считаете? – был ответ.

– Ну, то-то... А если ты хоть одним словом обмолвишься – прощайся со всеми моими благодеяниями.

– Лавр Петрович! Да разве я смею? Даже запечатаны будут уста мои.

Карета остановилась у подъезда.

Глава XII

Во втором гнезде

Лавр Петрович Хрустальников и Стукин входили в подъезд, где жила танцовщица Еликанида Андреевна Битюгова.

– Еликанида Андреевна дома? – спросил Хрустальников швейцара, распахнувшего ему двери.

– У себя-с... Пожалуйста...

– Одна?

– Кажется, никто к ним не приходили. Мамаша там их собственная со вчерашнего дня гостят.

Хрустальников и Стукин поднимались по лестнице.

– Однако, я того... устал... – говорил Хрустальников, слегка покачиваясь на ногах. – Давай-ка, брат Стукин, руку... Ты все-таки помоложе меня.

Хрустальников был пьян. На воздухе развезло его еще больше.

– Сейчас... Сейчас, Лавр Петрович... – суетился около него Стукин и бережно взял его обеими руками под руку, как какой-нибудь хрупкий сосуд.

– Что за женщина эта Битюгова – восторг! – продолжал Хрустальников несколько заплетающимся языком. – Глазки так и бегают. И вся она живчик, совсем живчик. Каждая жилка, каждый мускул... Теперь-то только она немножко поосела, пообабилась, потому что ждет себе... первенца. В это время женщины, как бы они бойки и оживленны ни были, всегда уж... Ну да ты понимаешь...

– Ах, и эта так же, как Матильда Николаевна?.. – вырвалось у Стукина.

– И эта. Хорошо бы, если у Матильды сын, а у этой дочь. Или наоборот: у Матильды дочь, а у Битюговой сын. Все-таки, знаешь, разнообразие... Только ты смотри, Матильде ни гугу... И этой ни гугу про Матильду. Спросит: где были? Прямо от Бореля. Понял?

– Будьте благонадежны, Лавр Петрович, будьте благонадежны... Я все понимаю. Верьте, что во мне вы встречаете самого верного друга.

– Друга... Ну, положим, что другом-то ты моим не можешь быть, ну а все-таки, если я тебе такое доверие оказываю, что везде с собою вожу, в каждое сокровенное место вожу, то ты должен оправдать это доверие и быть нем как рыба. Здесь, брат, у меня второе гнездышко, здесь я отдыхаю от Матильды. Ты знаешь, Матильда подчас капризна, несносна. Конечно, женщина в таком положении всегда капризна, но... Звонись, звонись, Стукин.

Стукин позвонился у дверей. Отворила пожилая женщина в чепце и в пуховом платке.

– Наконец-то, наконец-то... – заговорила она при виде Хрустальникова. – А уж Еликанидушка за вами посылать хотела.

– Занят, по горло занят... – отвечал Хрустальников. – Каждый день сюда сбирался, и то то, то другое... Здравствуйтесь... Елочка здорова?

– Подите, подите к ней... Она вас проберет. Да и стоит, как еще стоит. Ах вы, изверг, изверг!..

Хрустальников и Стукин снимали в прихожей шубы.

– Маменька, рекомендую... Позвольте вам представить... Это Стукин, – сказал Хрустальников. – Стукин, железнодорожник. Вы любите богатых людей, и вот вам первостепенный богач. Кланяйся, Стукин... Это мамаша Еликаниды Андреевны, мадам Битюгова. Придворная дама... Супруг их был истопником во дворце...

Стукин поклонился.

Они вошли в небольшую гостиную. Из следующей комнаты вышла маленькая, худенькая пикантная женщина с несколько цыганско-еврейским типом лица. Она куталась в пунцовый шелковый платок.

– Откуда это, наконец? Откуда? – встретила она Хрустальникова. – Послушайте, где вы это пропадали? Ведь вы, я думаю, забыли, как и двери ко мне отворяются. И не стыдно? Нет, скажите, не стыдно?

Хрустальников сложил руки на груди, наклонил голову набок и произнес:

– Слагаю мою повинную голову у ног прелестной феи. Виноват, тысячу раз виноват. Дела... Дел столько, что и... Да вот и он подтвердит. Он знает. Рекомендую... Позвольте вам представить... Стукин... Золотопромышленник, фабрикант...

Стукин вскинул на Хрустальникова глаза.

– Лавр Петрович... – проговорил он застенчиво.

– Что «Лавр Петрович»? Конечно же, ты золотопромышленник. Деньги промышляешь – ну и золотопромышленник, папиросы себе делаешь – ну и фабрикант. Ну-с, Елочка, угощайте нас чаем; велите подать коньячку... – обратился Хрустальников к хозяйке.

Та сморщила гримаску и сверкнула глазками.

– Сколько раз я вам говорила, Лавр Петрович... – начала она.

– Что? Что Елочкой-то назвал? При нем можно, при нем ничего... Он человек походный. С ним церемониться нечего. Он сам нам сейчас все покажет, расскажет... Стукин! Расскажи Елочке, как ты собаку из проруби спасал и как она лапками... Расскажи и покажи, как она лапками... Он покажет... А вы, Елочка, распорядитесь, чтобы коньячку...

– Хорошо ли будет коньячку-то?.. Насколько я вижу, вы уж и так много пили... – отвечала хозяйка, вводя их из гостиной в следующую комнату, составляющую маленький будуарчик. – Хорошо ли, я говорю? – повторила она, усаживаясь на диван и поджимая под себя ножки.

– Ничего, Елочка, ничего!.. Пьяный проспится, дурак – никогда... – отвечал Хрустальников, сел близ хозяйки в кресло и кивал Стукину, чтобы и тот сел.

– Ну, смотрите!.. Мне кажется, что уж вам довольно бы пить. Велите, маменька, поставить самовар и подать коньяку, – сказала она матери и, обратясь к Хрустальникову, прибавила: – Где вы это пропадали, в самом деле? Я вам две записки писала вчера и третьего дня, и ни ответа, ни привета.

– На охоте, Елочка, был, на охоте... Сегодня только вернулся, увидел ваши милые каркульки и вот у ваших ног...

– Как на охоте? Сейчас сказали, что у вас дедов было по горло, а уж теперь: на охоте...

– Ну да... Дела делами... а охота охотой... Ручку, Елочка, дайте ручку поцеловать...

– Не стойте... Я таким лгунишкам руку целовать не даю. Я здесь вас жду, пишу записки, а вы черт знает где пропадаете...

– Да что такое случилось-то? Что случилось? Ведь приехал же все-таки.

– Как «что случилось»? Тут ко мне извозчик пристает, за лошадей просит, тут ко мне портниха... А я нездорова, я раздражена, нервы у меня расстроены...

– Извозчик, портниха... О, это такие пустяки! Сколько надо? На, возьми...

Хрустальников схватился за бумажник.

– Что вы! Что вы!.. Потом...

Хозяйка кивнула украдкой на Стукина.

– Я тебе уже сказал, что при нем можно... При нем все можно. Этот человек – неменяемый человек, я его не считаю ни за мужчину, ни за женщину. Правда ведь, Стукин?

– Совершенно справедливо, Лавр Петрович, – захихикал Стукин.

– Ну, вот видишь, Елочка, он даже сам сознается. Сколько тебе надо извозчику отдать, сколько портнихе? Говори прямо.

– А вот маменька уже вам подаст счета. Счета у ней. Она даже хотела сама идти к вам со счетами.

– Маменька! Сколько там по счетам? – крикнул Хрустальников.

– Да давайте больше... Давайте тысячу рублей, так с нас будет и довольно, – отвечал из столовой женский голос.

– Уж и тысячу! Я полагаю, что там не более пятисот рублей.

– А остальное Елочке пойдет на булавки. Кроме того, вы мне сколько уже времени на лисью шубу дать обещались.

– Когда же это я обещался?

– Как когда? Вы три раза обещались. Да и стоит. Кабы не я с моим кротким характером, разве бы Елочка так на вас сердилась за вашу ветренность?

– Ну, обещался, так получайте сегодня сто рублей на лисью шубу. Сегодня я добр.

– На лисью-то шубу сто рублей? Что вы! Да разве можно на сто рублей?..

– Отчего же?.. Вот эдакие миленькие Елочки не могут ходить в сторублевых шубах, – проговорил Хрустальников, взяв ручку Еликаниды Андреевны и целуя ее, – а матерям Елочек сторублевые шубы за глаза...

– К чему такой тон? К чему такой тон с маменькой? – перебила Еликанида Андреевна и отдернула руку. – Я не люблю этого.

В дверях показалась старуха Битюгова.

– Ну давайте сто рублей на шубу, – сказала она. – Уж ежели сказали, то давайте сейчас, а то потом и от этого откажетесь.

– Маменька! Как вам не стыдно? И при постороннем человеке! – остановила ее Еликанида Андреевна.

– Э! Что тут стыдиться! Стыд – не дым, глаза не ест! Давайте... А у меня уж старая-то шуба ой-ой как плоха.

Хрустальников полез в бумажник и вынул сторублевую бумажку.

– Спасибо. Доброму вору все впору. Ведь вот вы теперь немножко подшофе, а с вас только тогда и взять, когда вы подшофе. А от трезвого от вас, как от каменного попа, железной просвиры не допросишься, – говорила она. – Ну-с, чай готов... Идите в столовую чай пить, – прибавила она.

– Сюда подавайте, сюда. Здесь теплее и уютнее. Да наконец, мы уже и уселись так хорошо, – отвечала Еликанида Андреевна.

Чай был подан в будуарчик.

Глава XIII

Всё еще во втором гнезде

Хрустальников и Стукин сидели в будуарчике у танцовщицы Еликаниды Андреевны Битюговой и пили чай с коньяком. Тут же присутствовала и маменька Еликаниды Андреевны, громко схлебывая чай со своего блюдечка и держа за щекой кусок сахара, так как пила вприкуску.

– Вот уж ведь я теперь и в хорошем теле, дочка моя, кажется, слава тебе Господи, в люди вышла и меня в люди вывела, а не могу я никак привыкнуть, чтобы этот самый чай пить внакладку, – говорила она в свое оправдание.

– Вприкуску больше выпьешь-с, – поддакнул Стукин, сидевший в углу и державший в руках стакан чаю, куда ему Хрустальников обильно влил коньяку.

Еликанида Андреевна вскинула на Стукина глаза и сказала:

– Мосье... Как вас? Я все забываю... Зачем же это вы в угол-то забились? Садитесь сюда к нам поближе. Придвиньтесь к столу.

Стукин придвинулся к столу.

– Нет, в самом деле: как вас величать по имени и по отчеству? – спросила хозяйка.

– Игнатий Кирилыч.

– Прекрасное имечко. У нас во дворце камер-лакея одного Игнатъем Кирилычем звали, – вставила свое слово маменька. – Или нет, не Игнатий Кирилыч, а Панфил Кирилыч, – прибавила она.

Хрустальников взглянул на Стукина и засмеялся.

– Эдакая рожа! Ведь уродит же Бог эдакую рожу! – проговорил он. – Елочка, взгляните, ангел мой, на его нос. Не нос, а утюг. Две капли воды утюг. А глаза... точь-в-точь как у рака. Хоть бы ты очки, Стукин, носил, что ли. Все-таки был бы приличнее.

– Ежели вы желаете, Лавр Петрович, то я с удовольствием буду носить очки.

– Желаю, даже очень желаю. А то суди сам: ведь твоими глазами ты можешь пугать женщин. Вот, например, Елочка... Она беременная женщина... Ну что, если вдруг?.. Елочка, он вам не страшен?

– Нисколько. Они даже очень приятный мужчина. Мне вот страшно только одно, что вы много коньяку себе подливаете.

– Ах, Еликанидушка, что это ты все оговариваешь Лавра Петровича! – вступилась мать. – Да и пускай их пьют. При их богатстве пилось бы, да елось, да дело на ум не шло. Кроме того, когда они немножко выпивши, в сто раз добрее. Я люблю, когда они выпивши. Вот давеча мне на шубу сто рублей подарили. У вас где фабрика, Игнатий Кирилыч? – обратилась она к Стукину.

Стукин захихикал.

– Никакой у меня фабрики нет-с. Это Лавр Петрович все из головы сочиняют.

– Врет, врёт... Есть... У него фабрика шелковых материй, и вы смело можете попросить у него атласу на покрывку вашей шубы.

– А что же? Я бы хоть за деньги у них купила с фабрики. Только бы они мне на мое сиротство подешевле отпустили, – отвечала маменька.

– Маменька! – остановила ее Еликанида Андреевна.

– Зачем за деньги? – продолжал Хрустальников. – Что ему стоит? Он просто-напросто вам подарит. Велит отрезать двадцать аршинов и подарит.

– А подарят, так тем для меня лучше, тем приятнее.

– Маменька! Да разве вы не видите, что Лавр Петрович шутит!.. – еще раз сказала Еликанида Андреевна.

– Я шучу? Нисколько, – сказал Хрустальников. – Что, брат, за причина, Стукин, что Елочка не хочет тебя признать за фабриканта и богатого человека? А между тем он не только богач, но и родовитый человек. Его род идет прямо от Адама. Его предков несколько раз драли в татарской Орде у Чингисхана, при царе Иване Грозном они были биты батогами нещадно, потом им были урезаны носы и уши. Как твоего предка-то звали, которого отодрали в Орде? – обратился он к Стукину.

– Не знаю, Лавр Петрович, не слышал...

– Про Орду-то?

– Нет, не про Орду, а про то, что драли.

– Какой вздор! Ну, в Орде не драли, так где-нибудь на конюшне драли.

Хрустальников начал зевать и по временам клевал носом. Глаза его слипались. Разговор не вязался.

– Прилягте вы, Лавр Петрович, соснуть на часок, – начала маменька Еликаниды Андреевны. – Прилягте, а мы вас потом разбудим.

– Действительно, я прилягу... – согласился Хрустальников, поднимаясь с места. – А этот урод пусть посидит здесь и подождет меня. Я посплю, а потом мы пошлем за тройкой и поедем

прокатиться в «Аркадию». Там и поужинаем. И мне надо проветриться, да и Елочке не худо погулять.

– Пойдемте, Лавр Петрович, я вас сведу в гостиную на диван и подушечку вам под голову положу, – сказала мать Еликаниды Андреевны и повела Хрустальникова под руку.

Хрустальников обернулся, покачнулся на ногах и послал Еликаниде Андреевне летучий поцелуй, сказав «оревуар», а Стукину погрозил пальцем и прибавил:

– Смотри, утюг, не отбей у меня Елочку!

Через две-три минуты из гостиной раздался храп Хрустальникова.

Стукин, Еликанида Андреевна и ее мамаша продолжали сидеть в будуарчике. Разговор сначала как-то плохо клеился.

– Нет, в самом деле: если вы действительно фабрикант, то подарите на покрывало шубы бархату-то... – начала маменька, обращаясь к Стукину.

– Маменька! Да как вам не стыдно? Что за нахальство такое! – оборвала ее снова Еликанида Андреевна.

– Чего ж тут стыдиться, если у них своя фабрика? Вон когда князь Карапузов к тебе ездил, так подарил же он мне ковер со своей фабрики. Еще и сейчас его за этот ковер добрым именем поминаю.

Стукин приложил руку к сердцу.

– Уверю вас, сударыня, боюсь вам, что никакой у меня фабрики нет, – сказал он. – Я просто секретарь Лавра Петровича – и ничего больше.

– Секретарь! – воскликнула маменька. – А я думала...

– Секретарь и, кроме того, служу вместе с Лавром Петровичем в «Обществе дешевого торгового кредита».

– А как же он сказал, что вы золотопромышленник, железнодорожник?

– Господи! Да ведь они шутят.

– Вы какую же должность занимаете в банке? Должность кассира? – спросила Еликанида Андреевна.

– Нет-с, не кассира. Я так... Но скоро, однако, буду назначен инспектором, сделаюсь служащим с отчетом.

– А сколько жалованья получаете?

Стукин маслено улыбнулся, покрутил головой и сказал со вздохом:

– На этом месте можно много денег взять-с, много.

– Скажите... А вы не знаете мосье Галакеева? – спрашивала старуха. – Он был тоже кассиром в каком-то банке, а теперь, говорят, будто в тюрьме сидит.

– Нет, не знаю-с.

– Тоже прекрасный человек... Ах, какой прекрасный человек! Когда он к Еликанидушке ездил, то мне вдруг ни с того ни с сего привез дюжину серебряных чайных ложек и подарил.

– Маменька! Да бросьте вы! Ну что вспоминать о тех, которые в тюрьме сидят... – проговорила Еликанида Андреевна.

– Да ведь, может быть, занапрасно сидит, – отвечала мать. – Интендантского генерала Карушеева не знаете? – не унималась она.

– Даже не слышал.

– Нет, я к тому, что вот этого даже судили и в Сибирь уже услали, а все говорят, что позанапрасну. Тоже пре обходительный генерал. Раз приезжает к Еликанидушке и подносит мне в подарок...

– Маменька! Если вы не замолчите, то я уйду!.. – вспыхнула Еликанида Андреевна.

– Да что ж тут такого! – недоумевала мать и разводила руками. – Право, я не понимаю...

– А если не понимаете, то подите в кухню...

– Это мать-то? Это родную мать-то? Отлично! – всплеснула руками старуха. – Я тебя родила, девять месяцев под сердцем носила, а ты...

На глазах ее показались слезы...

– Довольно, довольно! И так уж надоели... – фыркнула Еликанида Андреевна. – Мосье... Игнатий Кирилыч, кажется? – обратилась она к Стукину. – Будьте добры съездить за тройкой. Вы вернетесь, мы Лавра Петровича разбудим и поедем в «Аркадию».

– С удовольствием-с... Но только, Еликанида Андреевна... за тройкой я отправлюсь, но в «Аркадию» с вами не поеду. Поезжайте уж вы одни с Лавром Петровичем.

– Отчего? Вздор! Вздор! – вскрикнула она.

– Нет, не поеду-с... Вот видите... Я не захватил с собой денег, а на чужой счет я не желаю.

– Пустяки! Лавр Петрович заплатит.

– Нет-с, не могу... Вот если бы вы мне одолжили пятьдесят рублей займа до завтра, то я с удовольствием.

Стукин бросил взгляд на пачку денег, оставленных для Еликаниды Андреевны Хрустальниковым и все еще лежавших на подносе, под блюдечком с лимоном.

– С удовольствием, – отвечала она, подавая пятьдесят рублей.

– Ну, вот теперь и я поеду с удовольствием в «Аркадию», – сказал он.

Через полчаса тройка была приведена, Хрустальников разбужен, а через час Хрустальников, Еликанида Андреевна и Стукин неслись на тройке в «Аркадию».

Глава XIV

Встреча

Троечные сани так и мчались по Каменноостровскому проспекту. Дорога была прелестная. В санях сидели на первом месте Лавр Петрович Хрустальников и его «штучка», танцовщица Еликанида Андреевна Битюгова. Спinoй к лошадям помещался Игнатий Кириллович Стукин. Стоял изрядный мороз. Хрустальников был в дорогой ильковой шубе, тепло укуталась в теплую песцовую ротонду Еликанида Андреевна, и жался в своей драной, отрепанной шубенке Стукин.

– Прекрасная прогулка, прекрасная... – бормотал все еще не отоспавшийся от возлияний за обедом и за чаем Хрустальников. – И так голова прелестно освежается на морозном воздухе. Пошел, ямщик! Хорошо на чай получишь! – крикнул он.

Гик ямщика, три взмаха кнутом – и кони заскакали во всю прыть. Вот и ресторан «Аркадия». Ярко освещен подъезд. К тройке ринулись со всех сторон посыльные, какие-то дворники, два швейцара, стоявшие у подъезда, и начали отстегивать полость саней.

– Отдельный кабинет... – проговорил Хрустальников, входя в подъезд и сбрасывая шубу на руки швейцару.

– Много кабинетов свободных... Пожалуйте... – отвечал швейцар.

– С фортепьянами прикажете? – подскочил к Хрустальникову лакей во фраке.

– Нет, можно и без фортепиано, но попросторнее, чтобы в случае можно было цыган пригласить. Цыгане тут?

– Свободны-с... Публики еще немного... У нас ведь больше часам к двум... Пожалуйте... Вот-с просторный кабинет.

Два лакея бросились зажигать канделябры, зажгли, и один из них остановился в почтительной позе с салфеткой под мышкой, ожидая приказаний.

– Лавр Петрович... Позвольте первым делом уж мне вас сегодня угостить... – начал Стукин. – Вас и Еликаниду Андреевну для первого знакомства.

– Ты? Ты будешь угощать меня и Елочку? Ах ты, эфиоп! Ах ты, крыса! – воскликнул Хрустальников, захохотав.

Стукина покорило. Он кивнул украдкой на лакея и прошептал:

– Помилуйте, Лавр Петрович... Зачем же такие слова? Я от чистого сердца.

– Какое у тебя чистое сердце? Откуда у тебя чистота взялась?

– Лавр Петрович... При слуге и при посторонней даме...

– Елочка-то для меня посторонняя? Хорошо сказал!

– Для вас они не посторонние, но я их вижу сегодня в первый раз. Нет, уж позвольте, Лавр Петрович, хоть чем-нибудь... вас и их... Принесите сюда бутылку самого лучшего шампанского и фруктов, – обратился Стукин к лакею.

– Это вначале-то бутылку шампанского и фруктов! Хватил тоже... Понимаешь, как нужно пить и есть! – перебил его Хрустальников. – Подать сюда закуску поразнообразнее, бутылку хорошей мадеры и водок, – отдал он приказ.

– Шампанское прикажете заморозить? – спросил лакей.

– Само собой. Меню ужина составим потом. Пошел! Живо!

Лакей исчез.

– С чего это ты вдруг вздумал угощать? – обратился Хрустальников к Стукину. – Скажите, какой золотопромышленник выискался! Я тебя давеча у Елочки шутя золотопромышленником назвал, а ты уж и в самом деле вообразил, что ты золотопромышленник.

– Я, Лавр Петрович, в благодарность... Я хотел sprysнуть новое место...

– Какое новое место?

– А то, которое вы мне обещали, место служащего с отчетом, чтобы быть инспектором для разъездов... получать суточные и по первому классу... И я за все за это в благодарности, все чувствую. Помилуйте, разве я какой-нибудь скот бесчувственный?

– А разве я тебе обещал?

– А то как же-с... У Матильды Николаевны обещали. И Матильда Николаевна за меня просили, и вы им обещали.

– Какая Матильда Николаевна? Что ты брешешь! – нахмурился Хрустальников и покраснел.

Стукин спохватился и побледнел. Он замялся, бросил взгляд на Еликаниду Андреевну, но вдруг нашелся и проговорил:

– Матильда Николаевна... Жена нашего банковского управляющего.

– Ах да... Жена нашего управляющего... Ну, то-то... – вздохнул посвободнее Хрустальников. – А я уж думал: какая такая Матильда Николаевна? Да, да... – прибавил он. – Я действительно обещал, но как еще сам управляющий...

– Управляющему вам стоит только приказать... Разве он смеет против директора и председателя правления?

– Ах, бросьте, пожалуйста, эти разговоры! – перебила Еликанида Андреевна. – Привезли меня веселиться, а сами бог знает о чем разговариваете! Стукин! Не смейте делать серьезное лицо! Что это такое? – крикнула она на Стукина.

– Браво, браво, Елочка! Хорошенько его... Так его и надо... – захлопал в ладоши Хрустальников... – Стукин, покажи сейчас в лицах, как ты собаку на Фонтанке спасал и сам чуть не утонул. Ну, показывай, как она лапками дрыгалась... Показывай... Это ты должен за свою провинность сделать, за то, что навел скуку на Елочку.

– Покажите, как вы собаку спасали, мосье Стукин, – упрашивала Еликанида Андреевна. Стукин начал показывать.

– Ты ляг на пол, ляг и изобрази собаку... Изобрази, как ты прежде показывал, – требовал Хрустальников.

Стукин лег и изобразил. Он даже тьякал по-собачьи. Еликанида Андреевна хохотала.

– Да вы презабавный! Послушайте, приходите ко мне почаще, запросто... Я очень люблю таких... А то такая скука, такая скука дома!..

Явилась закуска на трех подносах с целой батареей бутылочек и кувшинчиков. Компания выпила и развеселилась. Стукин начал показывать, как ходит гусем управляющий конторою по конторе банка. Еликанида Андреевна хохотала до упада.

– Елочка, Елочка, тебе вредно так хохотать в твоём положении. Ведь ты, так сказать, хоть и девица, но готовишься быть матерью, – останавливал ее Хрустальников. – Довольно, Стукин! Довольно! Пойдем лучше цыган позовем, – сказал он Стукину.

– Прикажите только, Лавр Петрович, я и один распоряжусь, – отвечал Стукин и бросился к дверям кабинета.

– Нет, зачем же? Мы вместе... Я знаком с цыганами и скажу, чтобы они полным хором... Елочка здесь посидит, а мы сходим и приведем. Пойдем.

Хрустальников отворил дверь в коридор и остолбенел, остановившись на пороге. По коридору шла закутанная в шубку Матильда Николаевна. Она шла под руку с гладко бритым молодым человеком в бобровой шапке и в пальто с бобровым воротником. Впереди их бежал лакей-татарин с зажженной канделяброй и говорил:

– Пожалуйста, ваше сиятельство... Пожалуйста вот в этот кабинет. Тут с фортепьянами.

Увидев Хрустальникова, Матильда Николаевна остановилась.

– Вы как здесь? Ведь вы хотели со мной... – заговорила она. – Вы хотели выспаться дома, приехать ко мне, когда я вернусь из оперы, и везти меня сюда...

– Я... я... Матильдочка... я хотел, действительно хотел, но потом расхотел, – бормотал Хрустальников.

Гладко бритый молодой человек отдернул руку от Матильды Николаевны и, тоже смутившись, отошел в сторону.

– Расхотели, а сами здесь. С кем вы здесь? – продолжала Матильда Николаевна.

– Со Стукиным... С Игнатием Кирилычем Стукиным... Нельзя... Нужно было его прокатить. Он так просил.

Хрустальников проскользнул в коридор и притворил за собой дверь кабинета.

– Со Стукиным? Что вы врете! – прошептала Матильда Николаевна. – Там у вас женщина. Я сейчас видела женщину.

– Никакой там женщины нет... Говорю тебе, что там Стукин. Хочешь, так я его сейчас вызову.

– Пустите меня в кабинет.

– Нельзя этого, Матильда Николаевна, – загородил ей Хрустальников дверь в кабинет. – Нельзя.

– Что вы мне говорите, что нельзя! Там женщина, и я хочу ее видеть.

– Потом, душечка, потом... Это не женщина. Это сестра Стукина... – дрожал Хрустальников как осиновый лист.

– Врете вы! Стукин рассказывал, что у него сестра – старуха, а это молоденькая женщина.

– Душечка! Тебе это так показалось. Уверяю тебя, что это сестра Стукина... Стукин! Поди сюда... – вызвал Хрустальников Стукина в коридор. – Подтверди, Стукин, что эта женщина, которая сидит в кабинете, твоя сестра. Ведь это твоя сестра?

– Ах, это вы, Матильда Николаевна! Доброго здоровья... – раскланивался Стукин.

– После раскланяешься. Тебя не раскланиваться сюда звали, – оборвал его Хрустальников. – Ты подтверди, что в кабинете твоя сестра сидит. Вот Матильда Николаевна сомневается и ревнует. Ведь сестра?

– Сестра-с...

– Ну так представьте меня вашей сестре, мосье Стукин, – сказала Матильда Николаевна.

– Душечка, этого нельзя... Так вдруг нельзя... – заговорил Хрустальников. – Ты посиди прежде в кабинетике с мосье Бабковским. Ведь это с тобой мосье... актер Бабковский приехал.

– Во-первых, со мной мосье Бабковский не приехал. Я одна сюда приехала. Приехала, чтобы вас искать, встретила в прихожей мосье Бабковского и просила, чтобы он проводил меня до кабинета, так как здесь в коридорах часто попадает много нахалов... Мерси, мосье Бабковский, можете идти, благодарю вас за услугу, – обратилась Матильда Николаевна к гладко бритому молодому человеку и, поклонясь, подала ему руку. – Ну-с, что же вы мне двери-то загораживаете! – крикнула она на Хрустальникова. – Пустите же... Я хочу познакомиться с сестрой мосье Стукина.

Хрустальников совсем растерялся.

– Нельзя, Матильдочка... Погоди немножко... – бормотал он. – Ты посиди. Погоди... Или вот что... Дай я предупрежу эту даму... Я ей представлю тебя как невесту Стукина. Только ты ей бога ради не намекай о моих к тебе отношениях... Право, нехорошо. Все-таки ведь нехорошо. Она сестра... Стукин, представь ты сам свою невесту своей сестре.

Хрустальников и сам не знал, что он такое бормочет. Стукин проскользнул в кабинет, подскочил к сидевшей на диване Еликаниде Андреевне и сказал:

– Какая сейчас странная встреча в коридоре... Сестра моя здесь. Сестра моя, Матильда Николаевна. Она хочет с вами познакомиться. Позвольте мне ее вам представить.

Стукин окончательно все перепутал, назвав Матильду Николаевну сестрой.

А Матильда Николаевна между тем входила уже в кабинет. Сзади нее шествовал, ни жив ни мертв, Хрустальников.

– Еликанида Андреевна, позвольте вам представить невесту мосье Стукина, Матильду Николаевну, – проговорил он.

– То есть как – невесту? Сестру? – вопросительно вскинула на Хрустальникова Еликанида Андреевна глаза.

– Ну да... сестру... – проговорил Стукин.

– Как – сестру? Невесту... – отвечал Хрустальников.

Матильда Николаевна и Еликанида Андреевна, вместо того чтобы подать друг другу руки, грозно смерили друг друга взглядом.

Глава XV

Стычка

Хрустальников, Стукин, Матильда Николаевна и Еликанида Андреевна сидели в кабинете ресторана «Аркадия». Хрустальников и Стукин были как на иголках. Стукин пристально смотрел в стену, рассматривая обои, Хрустальников ковырял вилкой сардины в жестяной коробке, помещавшейся на подносе. Матильда Николаевна, нахмутив брови, исподлобья косилась на Еликаниду Андреевну. Еликанида Андреевна держала в руке пустую рюмку и вертела ее. Длилось упорное молчание. За стеной кто-то играл на фортепиано и пел пьяным голосом «Стрелочка».

– Скажите же мне, пожалуйста, вы сестра мосье Стукина или невеста? – начала Еликанида Андреевна, обращаясь к Матильде Николаевне.

При этом вопросе Матильда Николаевна широко открыла глаза и хотела что-то сказать, но Хрустальников перебил ее.

– Невеста, невеста... – заговорил он. – Ведь ты... вы... Ведь очень хорошо знаете вашего брата, какой он чудак. Он все перепутывает... И наконец, тут он с радости... Увидел свою невесту Матильду Николаевну, обрадовался, ну и...

Матильда Николаевна сделала Хрустальникову жест и сказала:

– Молчите... Вы изолгались... Вы изолгались, как я не знаю кто... – Злоба душила ее. – И вы тоже хороши, милая моя... – обратилась она к Еликаниде Андреевне. – Сестра Стукина и спрашивает меня, сестра ли я ее брата!

– Я сестра? – удивилась Еликанида Андреевна.

Хрустальников усиленно мигал глазами Еликаниде Андреевне.

– Конечно же, сестра... – говорил он. – Сестра... но только двоюродная.

– Я двоюродная сестра? Двоюродная сестра мосье Стукина? Помилуйте, да я сегодня в первый раз его вижу! – отвечала Еликанида Андреевна. – Лавра Петровича я отлично знаю, а мосье Стукина...

У Хрустальникова и руки беспомощно опустились. Он попробовал оправдаться.

– Вот видите ли... – начал Хрустальников, но Матильда Николаевна перебила его и крикнула:

– Молчать! Теперь мне все ясно, я все поняла.

– Позвольте, Матильда Николаевна...

– Довольно. Ну-с, теперь давайте познакомимся по-настоящему... – обратилась она к Еликаниде Андреевне. – Я действительно Матильда Николаевна, но ни сестра, ни невеста этого клоуна Стукина.

– Как не невеста? Матильда Николаевна, голубушка, что вы! – вскинул на нее испуганные глаза Стукин. – Сами же вы согласились со мной венчаться, я вам сделал даже формальное предложение.

– Запретите этому уроду перебивать меня, – сказала Матильда Николаевна Хрустальникову, кивнув на Стукина.

– Матильда Николаевна, голубушка... – мог только выговорить Хрустальников.

– Молчите, старый плешивый пес, или я кину в вас вот этой бутылкой! – был ответ Матильды Николаевны. – Ну-с, сударыня... Так знайте же, что я ни сестра, ни невеста клоуна Стукина, а мать будущего ребенка этого развратного человека, который сидит перед вами и называется Лавром Петровичем Хрустальниковым.

Матильда Николаевна заморгала глазами. Показались слезы. Вспыхнула и Еликанида Андреевна. На глазах ее тоже были слезы.

– Если уж на то пошло, то позвольте и мне вам представиться по-настоящему. Я тоже мать будущего ребенка Лавра Петровича Хрустальникова.

– Понимаю-с... Понимаю-с... Я с первого раза поняла, кто вы и что вы... Но не думаете ли вы со мной равняться? Так уж это вы – ах, оставьте пожалуйста! Я порядочная женщина, которая увлеклась по своей неопытности льстивым человеком, и вот уже живу с ним седьмой год честно и верно, тогда как вы... Черт вас знает, что вы такое! Может быть, шлюха и ничего больше. Теперь мне остается только плюнуть тебе в морду и идти отсюда.

Матильда Николаевна быстро поднялась с места. Вскочила и Еликанида Андреевна.

– Что? Повтори, мерзкая! Повтори! – взвизгнула она.

– Нечего и повторять. Вот тебе... Получай...

Плевок полетел в Еликаниду Андреевну. Еликанида Андреевна схватила со стола рюмку и бросила в Матильду Николаевну. Минута – и они вцепились друг в дружку. Хрустальников и Стукин бросились разнимать. У женщин только и слышалось:

– Ах ты, мерзкая! Ах ты, подлая! Шлюха!

– Нет, врешь, ты шлюха, а не я!..

– Матильдочка, успокойся... Тебе вредно... Вспомни, что ты мать... мать будущего ребенка... Елочка... Еликанида Андреевна! Оставь хоть ты-то. Ты всегда отличалась кротким и веселым характером... – бормотал Хрустальников.

– Прочь! Или я в вас пушу бутылкой! – кричала Матильда Николаевна.

Дамы стащили друг с дружки шляпки и вцепились в волосы.

– Стукин! Да что ж ты стоишь истуканом! Бери Еликаниду Андреевну и посади ее в уголок! – кричал Хрустальников.

Стукин сунулся, но получил здоровенную плюху. Хрустальникову тоже попало по лицу. Дамы стащили со стола скатерть с закуской. Зазвенела посуда, бутылки... Раздался визг, и сами дамы упали на пол.

– Матильдочка! Елочка! – вопил Хрустальников. – Что же это такое? Зачем же делать скандал? Ведь вы срамитесь и меня срамите. Рядом в кабинете люди есть. Матильдочка!.. Елочка!

На шум сбежались лакеи, и с их помощью дам растащили. Через четверть часа Еликанида Андреевна, вся растрепанная, лежала на одном диване; на другом диване в том же кабинете лежала Матильда Николаевна. Стукин стоял с графином воды в руках. Хрустальников со стаканом, наполненным водой, в руках бегал от одного дивана к другому и бормотал:

– Елочка! Еликанида Андреевна! Ну выпей воды... Успокойся... Стоит ли из-за таких пустяков? Ведь все дело в недоразумении.

– Прочь! Или я вам выцарапаю глаза!

– Матильдочка! Ангел мой! Матильда Николаевна... – бросался Хрустальников к другому дивану. – Ну полно, успокойся! Я тебя ни на кого не променяю... – прибавляет он шепотом. – Выпей стакан воды.

– Не стану я пить после нее, поганки! – отвечала Матильда Николаевна.

– Да она не пила, видит Бог, не пила! Стукин! Дай сюда чистой воды... Налей из графина.

Вода из стакана была выплеснута, Стукин налил свежей воды из графина. Хрустальников поднес стакан Матильде Николаевне, но она со всего размаха вышибла стакан из рук Хрустальникова, и стакан, упав на пол, разбился вдребезги.

– Вот наказание-то! – воскликнул Хрустальников, вынул из кармана платок и отирал крупный пот, катившийся со лба его.

Хмель давно уже прошел у Хрустальникова. Он стоял посреди комнаты и молча посматривал то на закуску и черепки посуды, валявшиеся посреди комнаты, то на один диван, где лежала Матильда Николаевна, то на другой диван, где лежала Еликанида Андреевна.

Первой поднялась со своего дивана Еликанида Андреевна, поправила перед зеркалом свой растрепавшийся костюм и прическу, подняла шляпку и стала разыскивать в груди шуб свою ротонду. Стукин помог ей одеться.

– Ну-с, я уезжаю на тройке и оставляю вас здесь с вашей прелестницей, – проговорила она. – Но уж смотрите же... После этого ко мне ни ногой.

И она, не простясь, вышла из кабинета.

Матильда Николаевна все еще продолжала лежать на диване и вдруг принялась рыдать.

– Хочешь воды? Хочешь? Если хочешь, то я велю подать стакан. Стакан ты разбила, а графин все еще цел, – приставал к ней Хрустальников.

Она не отвечала. Рыдания делались все слабже и слаб-же. Наконец она перестала рыдать и села на диван.

– Домой ехать хочешь? – спросил Хрустальников.

– Да, домой. Но только не с вами. Вы оставайтесь здесь.

– Зачем тебе со мной ехать! У тебя здесь актер Бабковский сидит. Ты с ним поедешь домой, – подставил шпильку Хрустальников.

– Ах вы, дрянной и плешивый старый пес! Выдьте на подъезд и посмотрите, с кем я поеду, – отвечала она, надевая шляпку и шубу. – Прощайте... Я с вами завтра поговорю, если вы сообразовываете ко мне приехать.

– Непременно, непременно, Матильдочка. А только ведь как со мной была сегодня здесь дама, так точно и ты приехала с кавалером. Я про Бабковского говорю.

– Теперь мне после всех ваших поступков остается не одного кавалера, а целых десять кавалеров завести. Вы не умели меня ценить, ну и казнитесь. Прощайте!

Матильда Николаевна вышла из кабинета.

– Стукин! Проводи Матильду Николаевну! – крикнул Хрустальников.

Стукин бросился за ней в коридор, но она отстранила его.

– Шпионов не надо... – сказала она.

Стукин вернулся. Хрустальников позвонил в колокольчик и рассчитался с лакеями и за закуску, и за разбитую посуду. Он щедро дал на чай и прибавил:

– Только не болтать о скандале! Чтобы никто не знал, что здесь происходило.

– Помилуйте, ваше сиятельство, да разве это наше дело – болтать? Мало ли мы что видим и слышим, когда господа веселятся, и обо всем – молчок, – отвечали лакеи.

Спустя некоторое время Хрустальников и Стукин ехали по Каменноостровскому проспекту в город на попавшемся легковом извозчике.

– Твое дело теперь – помирить меня, Стукин, – сказал Хрустальников.

– Готов, Лавр Петрович... – отвечал Стукин. – Только с которой прикажете: с Матильдой Николаевной или с Еликанидой Андреевной?

– С обеими. Мне и той и другой жалко, и ни с той ни с другой нежелательно быть в ссоре. Ты зайди ко мне завтра поутру на квартиру.

– Слушаю-с, Лавр Петрович...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.